

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

*Сборник статей по материалам
XXXVII международной научно-практической
конференции*

№ 5 (37)
Май 2014 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2014

УДК 34
ББК 67
В74

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Андреева Любовь Александровна — канд. юрид. наук, доц. кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин филиала Российского государственного гуманитарного университета, г. Великий Новгород.

Редакционная коллегия:

Калтинская Ольга Евгеньевна — канд. юрид. наук, доц., заведующий кафедры уголовного права и криминологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;

Кириянов Артем Юрьевич — канд. юрид. наук, доц., председатель Исполнительного комитета Российского Союза налогоплательщиков, член-корреспондент РАЕН.

В 74 Вопросы современной юриспруденции / Сб. ст. по материалам XXXVII междунар. науч.-практ. конф. № 5 (37). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 72 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Вопросы современной юриспруденции» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Содержание

Секция 1. Административное право и процесс	5
СПЕЦИФИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 14.1 КОАП РФ Крылатова Наталья Владимировна Крылатов Владимир Александрович Хахамова Ольга Юрьевна	5
Секция 2. Гражданский и арбитражный процесс	11
ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ЦВЕТОВ КРАСНОРЕЧИЯ» СУДЕБНЫМ ОРАТОРОМ Боровков Александр Владимирович Смирнов Александр Сергеевич	11
Секция 3. Муниципальное право	16
ФОРМЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ Абдуллина Сабина Индусовна Аминов Ильдар Ринатович	16
К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Андреева Любовь Александровна	22
Секция 4. Правоохранительные органы	27
СТАРШИНА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА Насонов Сергей Александрович	27
Секция 5. Сравнительное конституционное право	31
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ США. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СО СТРУКТУРОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Цолоев Тамерлан Султанович Тхашоков Гиса Владимирович	31

Секция 6. Страхование, медицинское, образовательное право и нотариат	40
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ) Андреева Любовь Александровна Чупина Эльвира Викторовна	40
Секция 7. Теория государства и права	46
ОБЪЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА Индрисова Зара Нальбиевна	46
ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Самусевич Алексей Геннадьевич	52
Секция 8. Финансовое право и финансовая политика	59
ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Бернд Алина Александровна	59
РИБА — ОБЯЗАННОСТЬ ИЛИ ПРАВО Татуев Арсен Азидович Кундетова Кристина Ануаровна	65

СЕКЦИЯ 1.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

СПЕЦИФИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 14.1 КОАП РФ

Крылатова Наталья Владимировна

*студент V курса юридического факультета,
НОУ ВПО «Волгоградский институт
экономики, социологии и права»,
РФ, г. Волгоград*

E-mail: Natalya.Krylatova@yandex.ru

Крылатов Владимир Александрович

*главный инспектор ГУ МВД России
по Волгоградской области,
подполковник внутренней службы,
РФ, г. Волгоград*

Хахамова Ольга Юрьевна

*прокурор отдела по надзору за исполнением законов
в социальной сфере управления по надзору
за исполнением федерального законодательства
прокуратуры Волгоградской области,
РФ, г. Волгоград*

**THE SPECIFICITY OF ATTRACTING
PHARMACEUTICAL ORGANIZATIONS
TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY ACCORDING
TO PART 4 OF ARTICLE 14.1 OF THE ADMINISTRATIVE
CODE RUSSIAN FEDERATION**

Krylatova Natalya

*student of the legal faculty the Department of civil law and process non-
governmental educational institution higher professional education
“Volgograd Institute of Economics, sociology and law”
Russia, Volgograd*

Krylatov Vladimir

*chief inspector of the MOI of Russia for the Volgograd region,
Lieutenant Colonel of internal service
Russia, Volgograd*

Hahamova Olga

*the Prosecutor of the Department for supervision of implementation
of laws in the social sphere the Department on supervision
over the execution of the Federal legislation the Prosecutor's office
of the Volgograd region
Russia, Volgograd*

АННОТАЦИЯ

Исследован вопрос привлечения фармацевтических организаций, специализирующихся на розничной продаже лекарственных средств для медицинского применения, к административной ответственности, предусмотренной частью 4 статьи 14.1 Кодекса Российской Федерации, как с точки зрения норм российского законодательства, так и сложившейся судебной практики.

Выявлены особенности, обозначен круг должностных лиц, наделённых полномочиями по проведению опроса должностных лиц и (или) представителей фармацевтических организаций в рамках административного производства.

ABSTRACT

The issue of attracting pharmaceutical organizations, which specializes in retail sales of drugs for medical use, to administrative responsibility pursuant to paragraph 4 of article 14.1 code of the Russian Federation, both from the point of view of Russian legislation and court practice.

The features indicated by the circle of officials empowered to conduct polling officials and (or) representatives of the pharmaceutical organizations in the framework of administrative proceedings.

Ключевые слова: лекарства; 14.1 КоАП РФ; фармацевтика; ответственность.

Keywords: drugs; 14.1 of the administrative code; pharmaceutical; responsible.

Лекарства издревле являются источником поддержания и восстановления здоровья человека.

В течение длительного времени с целью пресечения и недопущения подделки лекарственных средств, незаконной их реализации или нарушения условий хранения государственные органы законодательной и исполнительной власти России разрабатывали и принимали различные нормативные правовые акты по регулированию деятельности фармацевтических организаций.

Государственной Думой РФ, в частности, 22 апреля 2011 г. был принят Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности», закрепившем в пункте 47 статьи 12 положение о том, что лицензированию подлежит фармацевтическая деятельность [5].

Затем, утверждённое 22 декабря 2011 г. Постановлением Правительства РФ № 1081 «Положение о лицензировании фармацевтической деятельности» (далее — Положение) в пункте 1 определило сущность фармацевтической деятельности, а именно: деятельность, подлежащая лицензированию и осуществляемая юридическими лицами, включая организации оптовой торговли лекарственными средствами, аптечные организации, ветеринарные аптечные организации, а также медицинские организации и их обособленные подразделения (центры (отделения) общей врачебной (семейной) практики, амбулатории, фельдшерские и фельдшерско-акушерские пункты), расположенные в сельских населенных пунктах, в которых отсутствуют аптечные организации, ветеринарные организации, и индивидуальными предпринимателями [2].

Согласно пункту 6 Положения осуществление фармацевтической деятельности с грубым нарушением лицензионных требований влечёт за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. При этом под грубым нарушением понимается невыполнение лицензиатом требований, предусмотренных подпунктами «а»-«з» пункта 5 указанного Положения [2].

Применительно к фармацевтическим организациям, специализирующимся на розничной продаже лекарственных средств для медицинского применения (далее — лицензиат) и составляющим предмет данного исследования, стоит отметить, в частности, несоблюдение норм таких подпунктов Положения, как «а» — наличие помещений и оборудования, принадлежащих ему (лицензиату) на праве собственности или ином законном основании, необходимых для выполнения работ (услуг), которые составляют фармацевтическую деятельность, соответствующих установленным требованиям (за исключением медицинских организаций и обособленных подразделений медицинских организаций); «б» — наличие у медицинской организации-лицензиата лицензии на осуществление медицинской деятельности; «г» — соблюдение лицензиатом, осуществляющим розничную торговлю лекарственными препаратами для медицинского применения, аптечными организациями, индивидуальными предпринимателями, имеющими лицензию на осуществление фармацевтической деятельности, — правил отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения аптечными организациями, индивидуальными предпринимателями, имеющими лицензию на осуществление фармацевтической деятельности; «ж» — соблюдение требований статьи 57 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» и «з» — соблюдение лицензиатом, осуществляющим хранение лекарственных средств для медицинского применения, — правил хранения лекарственных средств для медицинского применения [2].

Кроме подпунктов «Положения о лицензировании фармацевтической деятельности» следует обратить внимание на пункт 2.8 приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (далее — Минздравсоцразвития РФ) от 14 декабря 2005 г. № 785 «О порядке отпуска лекарственных средств» (далее — приказ № 785), устанавливающим, что в исключительных случаях при невозможности аптечным учреждением (организацией) выполнить назначение врача (фельдшера) допускается нарушение вторичной заводской упаковки (при этом лекарственное средство должно отпускаться в аптечной упаковке с обязательным указанием наименования, заводской серии, срока годности лекарственного средства, серии и даты по лабораторно-фасовочному журналу и предоставлением больному необходимой информации) [3], и пункт 32 приказа Минздравсоцразвития РФ от 23 августа 2010 г. № 706н «Об утверждении правил хранения лекарственных средств» (далее — приказ № 706н), согласно которому

хранение лекарственных средств, требующих защиты от воздействия повышенной температуры (термолабильные лекарственные средства), организации и индивидуальные предприниматели должны осуществлять в соответствии с температурным режимом, указанным на первичной и вторичной (потребительской) упаковке лекарственного средства в соответствии с требованиями нормативной документации [4].

Таким образом, проанализировав нормы приведённых выше нормативных правовых актов, можно с практической точки зрения (например, на основании материалов дела № А12-32982/2013 [1]) выявить специфику привлечения фармацевтических организаций к административной ответственности по части 1 статьи 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) «Осуществление предпринимательской деятельности с грубым нарушением условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией)», заключающуюся в следующем:

1. Установление фактов несоблюдения нормы пункта 2.8 приказа № 785 в части отпуска лекарственных препаратов при нарушении вторичной заводской упаковки, когда не оформлена аптечная упаковка с указанием наименования, заводской серии, срока годности лекарственного средства, серии и даты по лабораторно-фасовочному журналу, отсутствует журнал учёта лабораторно-фасовочных работ для отражения лекарственных препаратов при вскрытии вторичной упаковки, а также пункта 32 приказа № 706н — при несоблюдении температурного режима хранения лекарственных средств, как того требует изготовитель. Выявленные нарушения должны быть оформлены актом проверки с участием специалиста министерства здравоохранения;

2. Установление фактов нарушения подпунктов «а», «б», «г», «ж» и «з» «Положения о лицензировании», которое отражается в том же акте проверки, что и факты из вышеуказанного пункта;

3. Фототаблицы выявленных нарушений положений законодательства о лицензировании фармацевтической деятельности;

4. Опрос должностного лица и (или) представителя организации при проведении проверки соблюдения законодательства о лицензировании фармацевтической деятельности о своём согласии или несогласии с отражёнными в акте проверки нарушениями;

5. Документы, подтверждающие право фармацевтической организации на розничную продажу лекарственных средств для медицинского применения;

6. Повторный опрос должностного лица и (или) представителя организации при вынесении постановления о возбуждении дела

об административном правонарушении по части 4 статьи 14.1 КоАП РФ о согласии или несогласии с выявленными нарушениями.

Опросы должностных лиц и представителей фармацевтической организации могут производиться как специалистами Министерства здравоохранения, так и сотрудниками органов прокуратуры.

Указанная многовариантность опрашиваемых должностных лиц объясняется тем, по чьей инициативе осуществлялась проверка законодательства о лицензировании фармацевтической деятельности.

В заключение необходимо отметить, что специфика привлечения фармацевтических организаций к административной ответственности по части 4 статьи 14.1 КоАП РФ заключается не только в формировании доказательственной базы, но и в усмотрении Арбитражного суда, полномочного назначить наказание в виде административного штрафа в размере от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или административного приостановления деятельности на срок до девяноста суток, о том, имеются ли в представленных материалах административного производства все необходимые доказательства вины лицензиата (фармацевтической организации) и является ли выявленное нарушение повторным.

Список литературы:

1. Арбитражный суд Волгоградской области. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/c69f617d-9c4d-4532-9aa7-4b0bae06c4db>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения — 28.04.2014).
2. Постановление Правительства РФ от 22.12.2011 № 1081 (ред. от 15.04.2013) «О лицензировании фармацевтической деятельности» (вместе с «Положением о лицензировании фармацевтической деятельности») // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 1. — Ст. 126.
3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 14.12.2005 № 785 «О порядке отпуска лекарственных средств» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения — 28.04.2014).
4. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 23.08.2010 № 706н «Об утверждении правил хранения лекарственных средств» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения — 28.04.2014).
5. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 19. — Ст. 2716.

СЕКЦИЯ 2.

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ЦВЕТОВ КРАСНОРЕЧИЯ» СУДЕБНЫМ ОРАТОРОМ

Боровков Александр Владимирович

*старший преподаватель
Волгоградского государственного университета,
РФ, г. Волгоград
E-mail: borovkovav@rambler.ru*

Смирнов Александр Сергеевич

*студент Волгоградского государственного университета,
РФ, г. Волгоград
E-mail: aleksandr_smirno@mail.ru*

LEGAL AND MORAL ASPECTS OF THE FLOWERS OF ELOQUENCE OF THE SPEAKER COURT'S

Alexandr Borovkov

*senior teacher Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

Alexandr Smirnov

*student, Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

АННОТАЦИЯ

В статье показана роль «цветов красноречия» в судебной речи с учетом правовых и нравственных положений. Выявлен круг допустимого использования речевых украшений, проблемы и ограни-

чения употребления. Рассмотрены особенности использования в речах судьи, прокурора и адвоката.

ABSTRACT

The article shows the role of the "flowers of eloquence" in the judicial speech taking into account legal and moral positions. The researcher identified a range of acceptable use speech ornaments, problems and limitations of use. The author described the features of the use of the "flowers" in the speeches of judges, prosecutors and advocates.

Ключевые слова: нравственность; судебная речь; «цветы красноречия».

Keywords: morality; judicial speech; "flowers of eloquence".

Работник юридической профессии имеет дело не только с текстами нормативных документов, но и постоянно занимается объяснением, разъяснением, убеждает и переубеждает людей. Одним из видов юридической коммуникации является судебная речь, она публична, должна иметь реальные проявления текста закона, показывать действие права, быть понятна обывателю, в её основе лежит диалог с участниками процесса.

В работах юристов проявляется разное отношение к использованию выразительных средств речи. Одни относятся исключительно положительно и призывают к повсеместному использованию «цветов красноречия», другие — скептически, третьи говорят об ограниченной уместности в зависимости от места, повода и цели произнесения речи. Их использование в суде преследует практические цели и помогает пленить слушателя, убедить его, делают речь яркой, образной, эмоциональной [6, с. 122—127; 12, с. 47—75]

В судебном заседании можно выделить два аспекта коммуникации оратора. **Внешняя коммуникация** с общественной средой, присутствующей в зале и за его пределами, средствами массовой информации, которые не являются профессиональными юристами. Оратору приходится обращаться к представителям различных профессий, показывать предмет говорения с разных сторон, и **коммуникация внутри профессионального сообщества**, когда судебному оратору приходится контактировать с коллегами и оппонентами в форме сотрудничества, соперничества, конкуренции.

Таким образом, при судоворении важно изложить материал так, чтобы было понятно всем. «Цветы красноречия» позволяют доступно моделировать поведение, чтобы слушатели могли почувствовать происходившие события. Украшения вносят вклад

в развитие коммуникативных качеств судебной речи. Они способствуют ясности, доходчивости, понятности; правильности с точки зрения норм русского языка; лаконичности; выразительности речи [11, с. 122—140]. Однако, используя их важно не навредить точности судебной речи.

Несмотря на кажущуюся универсальность, возникают *проблемы ограниченного использования «цветов красноречия»*. Например, как определить достаточное количество украшений; подобрать украшения, чтобы высказывание было истинным и не отклонялось от заданной темы, исковых требований или критики решения суда; как избежать неоднозначности в толковании украшений; подобрать ясные и понятные всем; остаться вежливым, не нарушить границ личной сферы? [8, с. 11—16].

Несмотря на присутствие на судебном заседании значительного количества публики, главным адресатом судебного разбирательства всё равно остается судья [8, с. 104], и обывательская доступность для него не всегда важна.

Однако при участии присяжных заседателей с ними следует разговаривать используя простые понятия и слова, поскольку вся процедура для них как правило нова и непонятна, они не владеют юридическими штампами [7, с. 120]. В такой ситуации, использование украшений речи допустимо и оправдано.

Разделение дел на гражданские и уголовные так же определяет специфику использования «цветов красноречия». Разбор *дел связанных с имущественными интересами* не требует образности, экспрессии, здесь важна объективность в изложении фактов и норм законодательства, речь по таким делам приближена к официально-деловому стилю. *Уголовный же суд* имеет дело с людьми, и кроме анализа фактических материалов преступления, необходимо дать характеристику жизни, воссоздать психологический портрет, объяснить внутреннее состояние подозреваемого для обоснования мотивов его действий — это требует образного, эмоционального, яркого повествования. Использование речевых украшений здесь будет уместным [6, с. 125].

Однако *использование «цветов красноречия» не всегда превращает юриста в оратора*. По мнению А. Соболевой, оратором является только тот, кто соединяет дар красноречия с высокими нравственными принципами [13]. Риторические украшения должны передавать знание, которое не противоречит истине и справедливости. Оратор может преувеличить, усилить убедительность собственного соображения [1, с. 29], а совесть и осознание долга перед законом и обществом должны указать ему, насколько нравственно использовать то или иное освещение дела [12, с. 6].

Речевая деятельность судьи основана на принципах справедливости, равенства ко всем участникам процесса, что отражено в нормах Кодекса судейской этики [10]. Однако, четких мер ответственности за нарушение моральных норм кодекс не прописывает, отсутствует механизм контроля безнравственных поступков [3, с. 335], в том числе и в речевой коммуникации.

Работники прокуратуры как высококвалифицированные служащие, должны обладать морально-нравственными качествами. Этический кодекс, используя оценочные понятия, позволяет неограниченно применять нормы в качестве мер воздействия [2; 5], в том числе к злоупотреблениям в речевой деятельности. В тоже время, официальное письмо Генеральной Прокуратуры РФ рекомендует первостепенное значение отводить исчерпывающему исследованию доказательств, так как «прокурору не поможет никакое красноречие в судебных прениях» [9].

Речь защитника кроме анализа фактической стороны дела, характеризуется эмоционально-этической направленностью, стремится оказать психологическое воздействие на аудиторию и судей. В ней более всего проявляется этический компонент, общечеловеческие ценности, гуманизм, уважение и сдержанность по отношению к подсудимому, что формирует недоверие к позиции адвоката [4]. Для предупреждения и преодоления такого рода последствий целесообразно использовать потенциал «цветов красноречия».

Таким образом, речи, произносимые на судебных заседаниях, должны соответствовать нравственным установкам. Использование «цветов красноречия» в речах судебных ораторов имеет место не повсеместно и носит вспомогательный характер. Призванные внести экспрессивность и доступность, они не всегда уместны и могут быть подвергнуты критике оппонентов, как аргументы не являющиеся доказательными. Коммуникация внутри профессионального сообщества в большинстве случаев не требует излишеств, поскольку оно руководствуется нормами права. Однако, речевые украшения необходимы в ситуациях с присяжными заседателями, публичными процессами, когда необходимо формулировать общественное мнение.

Список литературы:

1. Александров А.С., Александрова И.А. Язык и судебная истина // Юрлингвистика. — 2008. — № 9. — С. 36—74.
2. Боровков А.В. Место и роль нравственных положений, определяющих правовой статус прокурорского работника в РФ // Сборник научных трудов Sworld. — 2013. — Т. 26. — № 2. — С. 104—106.

3. Боровков А.В. «Непроцессуальные контакты» судей: к постановке проблемы // В мире научных открытий. — 2013. — № 11.6 (47). — С. 334—337.
4. Боровков А.В., Колотилина А.А. Этические аспекты защитительной речи в суде // Сборник научных трудов Sworld. — 2014. — Т. 31. — № 1. — С. 17—19.
5. Боровков А.В., Улесов Н.И. Этические аспекты обвинительной речи в суде // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2014. — № 18. — С. 112—115.
6. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов. Ростов-н/Д.: Феникс, 2006. — 576 с.
7. Идрисов М.М. Особенности поддержания государственного обвинения в суде на этапе прений сторон // Вестник Владимирского юридического института. — 2011. — № 1(18). — С. 116—121.
8. Красовская О.В. О речевой коммуникации в судебной практике. М.: Флинта: Наука, 2008. — 128 с.
9. Письмо Генпрокуратуры РФ от 12.03.1993 № 12/13-93 «О методических рекомендациях об участии прокурора в исследовании доказательств в судебном разбирательстве» — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=302686> (дата обращения 05.05.2014).
10. Родионов О.В., Боровков А.В. Ведущая роль судьи в обеспечении нравственного характера судебного процесса // Вопросы современной юриспруденции. — 2014. — № 33. — С. 67—72.
11. Руднев В.Н. Культура и речевой этикет работника судебной системы. М.: РАП, Эксмо, 2009. — 192 с.
12. Сергеич П. Искусство речи на суде. Тула: Авторграф, 1999. — 320 с.
13. Соболева А. Образ русского судебного оратора // Российская юстиция. — 2002. — № 3. — С. 63—66.

СЕКЦИЯ 3.

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ФОРМЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Абдуллина Сабина Индусовна

*студент Башкирского Государственного Университета,
РФ, Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: violet94junk@rambler.ru*

Аминов Ильдар Ринатович

*канд. юрид. наук, доцент
Башкирского государственного университета,
РФ, Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: aminov76@mail.ru*

FORMS OF DIRECT DEMOCRACY IN LOCAL GOVERNMENT: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Abdullina Sabina

*student of Bashkir State University,
Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa*

Aminov Ildar

*candidate of Juridical Science, docent of Bashkir State University,
Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены проблемы непосредственной демократии в местном самоуправлении. Особое внимание обращается на субъекты непосредственной демократии, а также классификации ее форм. Приводится разграничение таких отдельных форм непосредственной демократии как депутатские и публичные слушания.

Проанализировано применение норм федерального законодательства на практике.

ABSTRACT

The problems of direct democracy in local government were examined in this article. The special attention is paid on subjects of direct democracy and on classification of its forms. The distinction of such single forms of direct democracy as deputy and public hearings were also adduce. The application of norms of federal legislation was analyzed in practice.

Ключевые слова: непосредственная демократия; местное самоуправление; депутатские слушания; муниципальные выборы; публичные слушания.

Keywords: direct democracy; local government; deputy's hearing; municipal election; public hearing.

Для начала следует определиться с самим понятием форм непосредственной демократии в местном самоуправлении. Этимологически это демократия без посредников, т. е. это участие населения без избираемых представителей, соответствующих органов или должностных лиц. С помощью институтов непосредственной демократии население максимально приближено к осуществлению власти.

Формы непосредственной демократии в местном самоуправлении — это «способы и средства реализации жителями муниципальных образований вопросов местного значения без использования в качестве промежуточных звеньев каких-либо органов муниципальной власти или должностных лиц и без получения ими властных полномочий» [4, с. 244] (однако стоит отметить, что многие организационные вопросы не могут быть разрешены без участия соответствующих органов и должностных лиц).

В Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» формам непосредственной демократии посвящена глава 5 «Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления». В главе 5 указанного выше Федерального закона предусмотрены следующие формы: «местный референдум, муниципальные выборы, голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального

образования, сход граждан, осуществляющий полномочия представительного органа муниципального образования, сход граждан, правотворческая инициатива граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, собрание граждан, конференция граждан (собрание делегатов), опрос граждан, обращения граждан в органы местного самоуправления, а также другие формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в его осуществлении» [7].

Непосредственная демократия предполагает самостоятельность народа в решении вопросов публичного значения. В свое время местное самоуправление представляет собой «логически доведенную до определенного уровня и юридически оформленную самостоятельность народа в решении вопросов публичного значения» [2, с. 5]. При непосредственной демократии на уровне местного самоуправления субъект и объект управления совпадают, ведь субъектом является население муниципального образования, также, как и объектом. То есть «население муниципального образования управляет самим собой, самостоятельно решает вопросы местного значения» [5, с. 153].

Личность может вступать в отношения управления, связанные с участием в местном самоуправлении путем непосредственного волеизъявления, прежде всего, как член определенного объединения-избирательного корпуса, собрания граждан по месту жительства, инициативной группы по досрочному отзыву депутата или выборного должностного лица. Вместе с тем личность может выступать в отношении управления непосредственно как индивид, реализуя, например, право обратиться в орган местного самоуправления с изложением предложения об улучшении его деятельности, участвуя в обсуждении проекта решения представительного органа местного самоуправления и т. д. Итак, человек-первичный субъект непосредственной демократии в системе местного самоуправления. Вторичными субъектами являются коллективные субъекты: избирательный корпус муниципального образования, собрания граждан по месту жительства, инициативные группы граждан в связи с подачей петиций, возбуждением вопроса об отзыве должностного лица или члена выборного органа местного самоуправления. Органы местного самоуправления не могут рассматриваться в качестве субъектов непосредственной демократии, т. к. в противном случае они будут подменять содержание волеизъявления населения и будет сводить роль населения в данном процессе лишь к участию в решении органами местного самоуправления вопросов местного значения.

Тем не менее, роль соответствующих органов и должностных лиц носит второстепенный характер, они лишь обеспечивают свободу волеизъявления населения. Правильно рассматривать органы местного самоуправления как субъекты правоотношений, возникающих при осуществлении непосредственной демократии. Особенность правового положения органов и должностных лиц муниципальных образований заключается в том, что они не вправе определять содержание волеизъявления граждан при использовании форм непосредственной демократии. Таким образом, единственным субъектом непосредственной демократии на муниципальном уровне является население муниципальных образований. К тому же это согласуется с конституционной концепцией местного самоуправления, ведь в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством население муниципальных образований является субъектом местного самоуправления.

Непосредственная демократия проявляется по-разному. Существуют простые и прозрачные формы, такие как собрания, сходы. Такие формы требуют минимального привлечения различных органов и должностных лиц для их организации. Существуют такие формы, для организации которых требуются существенные усилия и соответственно привлечение в большей мере органов и должностных лиц соответствующего муниципального образования, чем для простых форм непосредственной демократии.

Вне зависимости от вовлеченности соответствующих органов и должностных лиц они выполняют вторичную роль, так как лишь обеспечивают произведение волеизъявления населением, создают для этого лишь какие-то определенные условия (информационные, материальные, организационные и пр.), не подменяя при этом его своими действиями. Благодаря этому реализуется принцип самоорганизации населением, т. е. народ является как субъектом, так и объектом власти.

Формы непосредственной демократии некоторые ученые делят на императивные и консультативные [1, с. 364], а другие также выделяют и регулятивные формы [3, с. 20]. Представляется более правильным делить формы непосредственной демократии в местном самоуправлении на императивные и неимперативные. Деление на императивные и консультативные формы в большей степени применяется к референдуму, на остальные же формы непосредственной демократии данное деление переносить не корректно.

Само по себе разнообразие форм непосредственной демократии в местном самоуправлении не означает их доступность для населения.

На практике в абсолютном большинстве муниципальных образований реально применяется лишь такая форма непосредственной демократии как муниципальные выборы. По мнению А.А. Сергеева «остальные формы непосредственной демократии не являются обязательными и применяются редко» [6, с. 383]. Однако в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в качестве обязательных форм предусматривает также и иные формы (публичные слушания, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования) [7]. Таким образом, нельзя недооценивать политику законодателя, которая была направлена на расширение участия граждан в работе муниципалитетов.

Что касается публичных слушаний, то хотелось бы отметить такую проблему, как смешение публичных слушаний с другими непосредственными и представительными формами демократии, например, с депутатскими слушаниями. Депутатские слушания являются особой формой деятельности представительного органа муниципального образования, имеют отличную от публичных слушаний процедуру проведения, а также иной характер принятых решений по окончании слушания, а потому не могут быть аналогом публичных слушаний. Вследствие непонимания этого допускается множество ошибок правоприменителями.

Анализ теоретических вопросов, изучение факторов, которые препятствуют развитию непосредственной демократии способны создать объективную почву для совершенствования правового регулирования непосредственной демократии на местном уровне, что является необходимым условием поступательного развития местного самоуправления в нашей стране. Для того, чтобы институты непосредственной демократии интенсивно развивались необходимо расширять политическое участие ее субъектов в решении вопросов местного значения. Если сами субъекты не будут активны, не будут пополняться ряды состава лиц, на самом деле заинтересованных и непосредственно участвующих в осуществлении местного самоуправления, а также не будут стараться повысить эффективность их участия, то все институты непосредственной демократии так и не будут активно применяться на практике, они останутся лишь формами непосредственной демократии в местном самоуправлении, предусмотренными российским законодательством. Формы, закрепленные в законодательстве, будут характеризовать лишь потенциальные, а не реальные возможности. Необходимо не только

теоретическое осмысление данных проблем, но и практическое их решение, для чего необходимо активное участие каждого гражданина.

Список литературы:

1. Авакян С.А. Конституционное право России. Т. 1. М.: Юристъ, 2005. — 719 с.
2. Гарькавченко О.Ю. Непосредственная демократия как форма осуществления местного самоуправления: некоторые вопросы теории // Государственное управление. 2012. № 35.
3. Комарова А.В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры). М.: Формула права, 2006. — 560 с.
4. Костюков А.Н. Муниципальное право. М.: Юнити-Дана, 2011. — 687 с.
5. Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2002. — 298 с.
6. Сергеев А.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. М.: Проспект, 2006. — 432 с.
7. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156906;dst=0;ts=9A5CCBDB35CF552DF5EC2D981371A1C0;md=0.8254097048193216> (дата обращения: 02.05.2014).

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент РГГУ,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

TO THE QUESTION OF THE REFORM OF LOCAL GOVERNMENT

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, associate professor
of Russian State Humanitarian University,
Russia, Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам реформирования системы местного самоуправления, определению путей и методов разграничения полномочий между уровнями местного самоуправления и особенностями нормотворческого процесса региональных органов государственной власти по регулированию вопросов местного значения.

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of reforming the system of local self-government, identify ways and means for the distribution of competencies between levels of local government and law-making process, regional State authorities to regulate local issues.

Ключевые слова: законодательство; уровни местного самоуправления; система; полномочия; органы государственной власти.

Keywords: legislation; levels of local self-government system; the powers of the public authorities.

Процесс изменения, дополнения и уточнения общих принципов организации местного самоуправления, дальнейшее развитие финансовой самостоятельной власти на местах требует совершенствования законодательства о местном самоуправлении, в том числе норм Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ [2].

11.03.2014 г. в Государственную Думу РФ внесен проект федерального закона № 388095-6, которым вносятся изменения, как в построение структуры местного самоуправления, так и в определение переданных и собственных полномочий местного самоуправления [1].

Изменения и дополнения, внесенные на обсуждение в Государственную Думу РФ, носят комплексный характер, в том числе внесены предложения по совершенствованию механизма определения полномочий между различными уровнями местного самоуправления и порядок разграничения полномочий муниципальных образований. В частности, полномочия органов местного самоуправления, установленные федеральными законами и не разграниченные между органами местного самоуправления поселений, муниципальных районов и городских округов, до их разграничения осуществляются соответственно органами местного самоуправления муниципальных районов и городских округов, если законом субъекта Российской Федерации не предусмотрено иное. Соответственно наличие полномочий предполагает должное финансирование каждого уровня местного самоуправления. Вместе с тем, для реализации полномочий необходимы не только средства, а и отдельные объекты — муниципальное имущество, переданное муниципальным образованиям для выполнения определенных полномочий. Проект предусматривает, что в связи с этим необходимо дополнить статью, согласно которой в собственности муниципальных образований может находиться имущество, необходимое для решения органами местного самоуправления иных вопросов, предусмотренных уставом соответствующего муниципального образования. Вместе с тем, придавая муниципалитетам широкие хозяйственные полномочия, возникает опасность злоупотребления этими полномочиями, использование их в интересах определенного круга лиц, коррумпированных чиновников.

За проблемой передачи полномочий и источников их финансирования следуют изменения в системе органов местного самоуправления, в частности, существующие пять видов муниципальных образований, пополняются еще двумя: городским округом с внутригородским делением и внутригородским районом. Таким образом, будет реализована идея приближения местной власти к населению. Вместе с тем, выделение новых муниципальных образований неизбежно повлечет увеличения аппарата управления органов местного самоуправления, и наряду с сокращением депутатского корпуса (на уровне районов) приведет к увеличению численности работников органов исполнительной власти в системе местного самоуправления.

В проекте федерального закона предлагается формировать представительные органы муниципальных районов только из глав поселений, входящих в состав муниципального района, и из депутатов представительных органов указанных поселений, избираемых представительными органами поселений из своего состава в соответствии с равной независимо от численности населения поселения нормой представительства, установленной уставом данного муниципального района. Вместе с тем, если подразделения в структуре муниципального района получают статус юридического лица, то численность работников муниципалитета вырастет в несколько раз.

Кроме того, проект Федерального закона предусматривает внесение соответствующих изменений в Федеральный закон № 131-ФЗ в связи с необходимостью решения органами местного самоуправления вопросов, не отнесенных к их компетенции Федеральным законом № 131-ФЗ, только в случае, если данные вопросы предусмотрены уставом муниципального образования. Таким образом, возрастает значимость основного нормативного правового акта муниципального образования любого уровня, а соответственно и порядок регистрации внесения изменений и дополнений в уставы муниципальных образований, порядок обсуждения изменений и дополнений уставов.

Проблемным является вопрос о наделении органов местной администрации правами юридического лица с подчинением их главе местной администрации. Требуется либо введение новой терминологии в гражданское законодательство, определение статуса «публичного юридического лица», а также установление механизма, который обеспечивал подчинение всех подобных органов местной администрации главе местной администрации, не устанавливая непреодолимых препятствий для такого подчинения. Соподчинение юридических лиц (органов местной администрации) влечет и солидарную ответственность главы муниципальной администрации и руководителя муниципального органа в системе местной администрации. В связи с чем, необходимо установить уровень вмешательства главы администрации в деятельность юридического лица, что предполагает коррупционность.

Проект федерального закона уделяет определенное внимание вопросам правового регулирования муниципальной службы, предполагая, что условия и ограничения для муниципального служащего могут быть урегулированы не только уставами муниципальных образований, но и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, что продолжит усилия по противодействию коррупции в муниципалитетах. Данная

позиция представляется сомнительной, так как эти правовые акты ограничены в экспертном исследовании, и в отличие от уставов муниципальных образований не регистрируются в органах юстиции.

Таким образом, проект федерального закона об изменениях в 131-ФЗ о местном самоуправлении носит комплексный характер, сделает местные власти более состоятельными при принятии решений, одновременно не оказывает существенного влияния и не расширяет возможности для общественного контроля гражданами работы органов местного самоуправления и, в этом случае необходима дальнейшая нормотворческая работа по решению возникающих проблем.

Вместе с тем, основная задача любого нормотворческого органа заключается в обязанности издавать качественные, своевременные, а главное — эффективные законы. Понятия «законотворчества» и «нормотворчества» близки, но не идентичны друг другу, так как нормотворчеством занимаются и иные, в частности исполнительные органы власти, а если рассматривать органы местного самоуправления, как не относящиеся к системе органов государственной власти, то следует отметить, что значительный массив нормативных актов разрабатывается и принимает представительными и исполнительными органами местного самоуправления. Соблюдение процедур нормотворчества является одной из главных гарантий легитимности принимаемых нормативных актов. Регламенты, устанавливающие процедуры призваны в настоящее время обеспечить качество подготовки и одобрения правовых актов. В связи с чем, разработка процедурных правил представляет собой весьма важное, сложное и кропотливое дело. Формирование представительных органов местного самоуправления уровня муниципального района по принципу представительства в значительной степени понизит качество и уровень нормотворчества данных образований.

Автор подчеркивает, что передача определенных полномочий по регулированию системы местного самоуправления потребует от субъектов Российской Федерации подготовить и принять значительное количество нормативных актов. Следует учитывать, что в отличие от федерального процесса нормотворчества, на уровне субъекта федерации наблюдается усеченный нормотворческий процесс. В представительных органах власти в связи с наличием единственной палаты в органах законодательной власти субъектов, законотворческие процедуры значительно упрощаются, интересы местного самоуправления не учитываются.

Упрощенная система процедур представляется в системе органов местного самоуправления, однако, скорость принятия нормативных актов влияет на качество нормативного материала, а также в определенных случаях приводит к отмене актов, не соответствующих федеральному и региональному законодательству. Взаимодействие депутатов различных уровней местного самоуправления с населением ни к коем случае не повлияет на скорость и качество принимаемых нормативных актов органов местного самоуправления.

Автор считает, что «нормотворческие эксперименты» противоречат условиям соблюдения конституционных прав человека и гражданина.

Нормативный акт является сложным законопроектом, в связи с чем, к его оценке привлекаются эксперты и специалисты различных областей знаний, сопряжённых с темой законопроекта. Любой проект требует лингвистической, криминологической, правовой и антикоррупционной экспертизы. После разработки законопроекта он вносится в соответствующий нормотворческий орган, что не сможет обеспечить муниципальное образование.

Таким образом, автор полагает, что следует указать на слабое развитие юридической техники российских нормативных актов, которая является не только препятствием в законодательном процессе, но и, что важно, существенно снижает качество и, как следствие, эффективность нормативных актов органов местного самоуправления. С этой проблемой можно бороться как путем компьютеризации самого нормотворческого процесса, так и путем создания электронных механизмов, способных подготовить текст нормативных актов и адаптировать к уровню местного самоуправления

Список литературы:

1. Проект федерального закона № 388095-6 от 11.03.2014 г. / [Электронный ресурс] — Режим дост.упа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.05.2014).
2. Федеральный закон Российской Федерации от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.05.2014).

СЕКЦИЯ 4.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

СТАРШИНА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА

Насонов Сергей Александрович

*канд. юр. наук, доцент Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),*

РФ, г. Москва

E-mail: sergei-nasonov@yandex.ru

FOREMAN OF THE JURY: PECULIARITIES OF PROCEDURAL STATUS

Sergey Nasonov

candidate of Juridical Sciences,

associate professor of Kutafin Moscow State Law University (MSLA),

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена законодательному регулированию процессуального статуса старшины присяжных заседателей, а также особенностям его избрания. В статье раскрываются круг полномочий старшины присяжных заседателей, последствия их некорректного исполнения, порядок замены старшины.

ABSTRACT

The article is devoted to legislative control of procedural status of a foreman of the jury and also to peculiarities of his election. The article deals with terms of reference of a foreman of the jury, consequences of its incorrect performance and replacement procedure of a foreman.

Ключевые слова: производство в суде присяжных; старшина присяжных заседателей; присяжные заседатели; председательствующий; совещательная комната; вердикт.

Keywords: proceeding in jury; foreman of the jury; jury; presiding judge; chambers; verdict.

Перед приведением, сформированной в результате отбора, коллегии присяжных заседателей к присяге, председательствующий предлагает им выбрать из своего состава старшину присяжных заседателей.

Согласно части первой статьи 331 УПК РФ старшину присяжных заседателей избирают только присяжные, входящие в состав коллегии, т. е. запасные присяжные в этих выборах не участвуют. Верховный Суд РФ подчеркнул, что «...доводы осужденного и его защитника о том, что старшину коллегии присяжных заседателей должны были избирать в совещательной комнате все присяжные заседатели, в том числе и запасные, не основаны на законе. В соответствии со ст. 331 УПК РФ старшину присяжных заседателей избирают присяжные, входящие в состав коллегии» [6].

Выборы старшины могут происходить только в совещательной комнате, нарушение этого требования признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Верховный Суд РФ признал нарушением ч. 1 ст. 331 УПК РФ ситуацию, когда «...присяжные заседатели не удалились в совещательную комнату и заявили, что уже выбрали старшину, и присяжный заседатель П.В. заявил, что избран старшиной» [5].

При этом статья 331 УПК РФ не устанавливает какой-либо временной интервал, в течение которого должен быть выбран старшина коллегии присяжных заседателей. Верховный Суд РФ признал правомерным выборы старшины коллегии присяжных за 5 минут, поскольку «...процедура

избрания коллегией присяжных заседателей старшины присяжных заседателей регламентирована ст. 331 УПК РФ, которая не содержит ограничений по времени открытого голосования по указанному вопросу» [2].

Избрание старшины происходит в совещательной комнате открытым голосованием присяжных, большинством голосов. Присяжные заседатели сами иницируют ту или иную кандидатуру старшины, самовыдвигаются, обсуждают ее и т. д. Никто из присяжных заседателей не вправе отказаться от участия в этой процедуре. После голосования и принятия решения они выходят из совещательной комнаты, и старшина о своем избрании сообщает председательствующему.

Выбирая старшину, присяжные заседатели не обязаны как-либо письменно оформлять свое волеизъявление. Верховный Суд РФ

отметил, что «...ведение протокола при избрании старшины, вручение такого протокола сторонам и объявления результатов избрания старшины председательствующим судьей законом не предусмотрено» [4].

Старшина присяжных заседателей имеет равные права и обязанности с другими присяжными заседателями, у него один голос при вынесении вердикта. Однако согласно части второй ст. 331 УПК РФ, на него возлагается ряд дополнительных обязанностей и он наделяется рядом полномочий, что обусловлено необходимостью определенной организации процесса судебного разбирательства с участием присяжных.

Старшина по поручению присяжных заседателей обращается к председательствующему с вопросами и просьбами.

Согласно ч. 4 ст. 335 УПК РФ, присяжные заседатели вправе после допроса сторонами подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта задать им вопросы в письменном виде, подав записку с вопросом председательствующему судье через старшину коллегии. Необходимо подчеркнуть, что старшина не вправе отказать в передаче таких вопросов председательствующему, поскольку он не наделен полномочием оценивать их на предмет относимости к делу или надлежащей формулировки [3].

Старшина руководит ходом совещания при вынесении коллегией присяжных вердикта: оглашает вопросы, содержащиеся в вопросном листе, ставит их на обсуждение и голосование, записывает ответы на них, подводит итоги голосования, оформляет вердикт и по выходе коллегии присяжных заседателей из совещательной комнаты по указанию председательствующего провозглашает его в судебном заседании.

Невыполнение старшиной каких-либо обязанностей, из перечисленных в части 2 статьи 331 УПК РФ, влечет отстранение его председательствующим судьей от дальнейшего участия в рассмотрении уголовного дела. Верховный Суд РФ оценил как правомерное отстранение старшины присяжных от участия в дальнейшем рассмотрении дела, поскольку «...старшина, П. пояснил, что не передал председательствующему часть вопросов, потому что они повторялись, а часть вопросов переписал, поскольку заданы они были "не по установленной форме"» [7].

При этом председательствующий предлагает присяжным выбрать другого старшину и восполняет допущенное прежним старшиной нарушение процессуального закона. Выборы нового старшины присяжных заседателей происходят в совещательной комнате в порядке аналогичном рассмотренному выше.

Верховный Суд РФ не признает существенным нарушением уголовно-процессуального закона разъяснение председательствующим старшине его прав и обязанностей в формулировках, не совпадающих буквально с текстом закона («...старшина служит связующим звеном между вами и мной...»; «...он будет организатором вашего совещания...»; «...будет председательствовать при обсуждении вами поставленных вопросов по данному делу»), поскольку УПК РФ не предусматривает дословное воспроизведение судьей этих прав и обязанностей [1].

Список литературы:

1. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12.07.2006 г. № 66-005-154сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 25.05.2014).
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.08.2012 г. № 48-О12-59сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 25.05.2014).
3. Насонов С.А. Права и обязанности присяжных заседателей в судебном разбирательстве по уголовному делу: история и современность. В сборнике: Юридическая наука и практика: история и современность сборник материалов I Международной научно-практической конференции. Филиал МИГУП в Рязанской области; Ответственный редактор И.В. Пантюхина. 2013. — С. 210—211.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.05.2005 г. № 53-о05-10сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 25.05.2014).
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.03.2007 г. № 2-о07-1сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 25.05.2014).
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.02.2008 г. № 53-007-97сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 25.05.2014).
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.11.2008 г. № 36-008-23сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 25.05.2014).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 25.05.2014).

СЕКЦИЯ 5.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ США. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СО СТРУКТУРОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цолоев Тамерлан Султанович

*д-р ист. наук, профессор кафедры конституционного
и административного права, Института права, экономики
и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета
им. Х.М. Бербекова,
РФ, г. Нальчик*

Тхаишонов Гиса Владимирович

*студент второго года обучения магистратуры Института права,
экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова,
РФ, г. Нальчик
E-mail: Chelsea_grin@list.ru*

ELECTORAL BODIES OF THE UNITED STATES OF AMERICA. COMPARATIVE ANALYSIS WITH THE STRUCTURE OF ELECTORAL BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tamerlan Tsoloyev

*doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law, Institute of Law, Economics and Finance,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Russia, Nalchik*

Gisa Tkhashokov

*master's degree student of the 2nd year, Institute of Law, Economics and
Finance, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Russia, Nalchik*

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится сравнительный анализ норм избирательного права двух несомненно величайших в своей истории и положению занимаемой на мировой сцене но при этом абсолютно разных стран — Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации. В статье приводится сравнение структуры избирательных органов, их порядок формирования и полномочия. Анализ имеет несомненное значение для развития избирательного законодательства так как нормы иностранных государств можно адаптировать к действительности каждого государства тем самым усовершенствовав законодательство и устранив существующие пробелы.

ABSTRACT

The article conducts a comparative analysis of election law norms of the United States of America and the Russian Federation — without doubt two greatest in its history and place on the world stage but still absolutely different countries. Comparison of the structure of electoral bodies, its formation procedure and authority has been presented in the article. The analysis plays significant role for the development of electoral legislation as norms of foreign states may be adapted to the reality of every state, thereby improving legislation and filling current gaps.

Ключевые слова: избирательное право; выборы; Соединенные Штаты Америки.

Keywords: election law; elections; the United States of America.

В Соединенных Штатах Америки существуют следующие уровни организации избирательных комиссий:

1. Федеральная комиссия по выборам;
2. избирательные комиссии штатов;
3. избирательные комиссии графств;
4. участковые избирательные комиссии.

Проводя сравнение с российским избирательным правом, отметим сходство структур и полномочий избирательных комиссий Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации. Избирательные комиссии обеих стран в основном наделены полномочиями, следующими из функций по нормативному регулированию и контролю за соблюдением федерального законодательства в области избирательного права. Перечислим полномочия избирательной комиссии:

1. издание нормативных актов, необходимых для реализации федерального законодательства;

2. разработка и утверждение соответствующих форм документов, предоставляемых избирательной комиссией или направляемых избирательной комиссией в другие государственные учреждения и организации;

3. Обеспечение реализации мероприятий, связанных с подготовкой и проведением выборов и референдумов;

4. контролирующие функции, входящие в полномочия избирательных комиссий в соответствии с избирательным законодательством;

5. рассмотрение жалоб и обращений;

6. иные полномочия, необходимые для исполнения федерального законодательства [4].

Вместе с тем существуют и большие различия в порядке формирования и деятельности избирательных комиссий двух стран. В Соединенных Штатах Америки в соответствии с Законом «О федеральных избирательных кампаниях» устанавливается следующий состав и порядок формирования Федеральной комиссии по выборам [2, с. 104].

В состав комиссии входят секретарь Сената и клерк Палаты представителей без права голоса на заседаниях комиссии. При необходимости они могут назначать лиц, которые будут их замещать. Кроме секретаря Сената и клерка Палаты представителей, в состав комиссии входят еще 6 членов, назначаемых президентом по совету и с согласия Сената. Трое из них при этом могут принадлежать к одной и той же политической партии.

Принадлежность членов избирательной комиссии к определенной политической партии, по мнению авторов, считается неразумным и влекущим коррупциогенный фактор. Члены избирательной комиссии для честного и беспристрастного осуществления своих обязанностей должны быть абстрагированы от воздействия каких-либо сторонних политических сил. Сравнивая с законодательством Российской Федерации, отметим определенные различия. Например, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации состоит из пятнадцати членов с правом решающего голоса. Пять членов из общего числа назначаются президентом Российской Федерации, пять — Государственной думой Российской Федерации, а оставшиеся пять членов — Советом Федерации из числа кандидатур, предложенных законодательными органами власти субъектов Российской Федерации и глав субъектов.

В плане формирования состава избирательной комиссии законодательство Российской Федерации выглядит более

демократично, но тоже далеко от того идеального способа его формирования. Поэтому авторами предлагается идея о введении в законодательство как США, так и Российской Федерации механизма по подготовке и проведению выборов самих членов избирательных комиссий лицами, не принадлежащими к определенным политическим силам. Справедливости ради нужно отметить, что в Соединенных Штатах Америки состав комиссии обновляется каждые два года на треть, при этом в комиссию назначаются по одному представителю от каждой партии, а срок полномочий самой комиссии составляет 6 лет, в то время как в России состав комиссии обновляется только после истечения срока полномочий действующего состава, который составляет пять лет.

В США, как и в России, избирательные комиссии функционируют на постоянно основе. Сделано это для того, чтобы при первой же необходимости можно было организовать и провести выборы, а не формировать их на период проведения избирательной кампании, как это происходит, например, во Франции и Италии.

Члены Федеральной избирательной комиссии США избираются с учета их профессионализма, опыта, честности и беспристрастности. Рассматривая данную ситуацию, повторимся, что в комиссии, где треть членов могут принадлежать к одной партии, ожидать справедливости и беспристрастности едва ли приходится. Закон о федеральных избирательных кампаниях устанавливает, что члены комиссии, за исключением секретаря Сената и клерка Палаты представителей, на момент назначения не могут занимать должности в органах исполнительной законодательной и судебной властей, а также заниматься любой иной оплачиваемой или предпринимательской деятельностью.

После формирования состава комиссии из нее выбирается председатель и заместитель председателя тайным голосованием всех членов. Срок полномочий председателя составляет один год, при этом один член комиссии не может дважды возглавлять комиссию за тот срок, в течение которого он избран в состав комиссии, а председатель и заместитель председателя не могут принадлежать к одной и той же политической партии.

В свою очередь, в Центральной избирательной комиссии РФ из состава комиссии выбирается председатель, заместитель председателя и секретарь, но уже на весь срок полномочий комиссии, который, как уже указывалось, составляет пять лет. В случае освобождения по какой-либо причине должности члена комиссии, ее председатель обращается или к Президенту или к Палате

Федерального собрания для назначения нового члена комиссии. При этом от политической партии в состав комиссии могут назначаться только с совещательным голосом и только на период проведения избирательной кампании [3].

Свою деятельность Федеральная комиссия по выборам осуществляет в форме заседаний, для чего имеет право издавать собственные нормативно-правовые акты. На заседаниях обсуждается повестка дня по вопросу, отнесенному к ведению Федеральной избирательной комиссии. Комиссия считается правомочной проводить заседание, если на ней присутствует четверо членов из общего состава комиссии, что составляет ровно половину. Заседания проводятся только открытыми для общественности, за исключением случаев, когда законодательством предписано проведение закрытого заседания по отдельным вопросам. К таким вопросам относятся:

1. проведение расследования по фактам нарушения избирательного законодательства;
2. решения по вопросам, касающимся исключительно персонала либо внутренних документов комиссии;
3. информация личного характера, раскрытие которой влечет нарушение личных прав гражданина;
4. участия комиссии в судебных процессах;
5. официальной процедуры возбужденной против конкретного лица либо при определении ему меры наказания и т. д.

Отсюда видно, что по большинству важных вопросов комиссии заседания проводятся в закрытом режиме и даже при проведении расследования по нарушениям избирательного законодательства, которое, предполагается, должно было бы быть открытым и прозрачным, заседания по такому вопросу проводится тоже в закрытом режиме [4]. Авторы, исходя из этого, предполагают, что положение об абсолютной открытости заседаний всего лишь фикция и комиссия может проводить под любым удобным ей предлогом закрытые заседания, например, под предлогом рассмотрения на заседании внутренних документов комиссии или обсуждения информации о конкретном человеке, в ходе которого может быть нарушено право неприкосновенности частной жизни, поэтому в такой норме отсутствует какой-либо здравый смысл.

В избирательных кампаниях как Соединенных Штатов, так и России, кроме избирательных комиссии, участвуют иные государственные органы ввиду своих особенностей и полномочий. Например, в избирательных кампаниях в Соединенных Штатах участвует Администрация национальных архивов и документов и ее глава —

Архивариус США. К полномочиям этого органа относится рассылка губернаторам всех штатов брошюр и пособий по действующему избирательному законодательству США для доведения этих пособий и брошюр, в свою очередь, до избирателей и заверение документов, а также их хранение.

Кроме указанных служб, в организации и проведении выборов участвуют:

- **Бюро переписи населения** — проводит по представлению Федеральных судов или Генерального атторнея перепись общего числа зарегистрированных небелых избирателей. Если общее число таких избирателей будет меньше 50 % от их общего числа, вступают в действие нормы законодательства, направленные на пресечение дискриминации избирателей. Как видно, в законодательстве США есть своя специфика ввиду исторических особенностей, преследующих Соединенные Штаты Америки до сих пор.

- **Служба управления кадрами США** — назначает по указанию Федерального окружного суда федеральных инспекторов, призванных обеспечить регистрацию лиц, ущемленных в их правах по причине расы, языка и цвета кожи.

- **Генеральный атторней США** — наделен полномочиями по расследованию нарушений избирательного законодательства, возбуждению уголовных дел и полномочиями по предъявлению гражданских исков за нарушение законодательства о выборах.

- **Суды** — как последняя инстанция по восстановлению нарушения избирательного законодательства, суды имеют большой арсенал средств, в том числе истребование любых документов для разрешения дела. Что в данном случае невозможно сказать про полномочия в этой области судов Российской Федерации, где для истребования избирательных бюллетеней для ручного подсчета в зале суда необходимо сначала обосновать необходимость такого действия или должна быть веская причина для того, чтобы суд решил обязать предоставить избирательные бюллетени для перерасчета. Стоит ли указывать, что такое положение затрудняет доказывание в суде факта нарушения.

На уровне же избирательных комиссий штата есть свои особенности в формировании. Каждый штат, входящий в состав США, является, по сути, государством в государстве, и хотя они должны следовать федеральному законодательству, однако у каждого штата есть свои небольшие особенности. Для раскрытия особенности избирательной системы каждого штата потребовалось бы отдельная

работа в этом направлении, поэтому следует ограничиться общими схожими положениями об избирательных комиссиях всех штатов.

Избирательные комиссии штатов возглавляет Совет по выборам штата. В совет входят 5 членов: секретарь штата, один член комиссии, назначаемый в нечетный год Сенатом Генеральной ассамблеи штата, и член комиссии, назначаемый в нечетный год палатой представителей Генеральной ассамблеи штата. Кроме них, в комиссию входят по одному представителю политических партий, назначаемые губернатором штата по представлению исполкома партии. Срок полномочий комиссии 2 года, а председателем является секретарь штата. Необходимый кворум для принятия решения комиссии составляет три члена совета [1, с. 22—32].

В полномочия комиссии штата входят те же полномочия, что и у Федеральной комиссии по выборам, направленные для исполнения своих прямых обязанностей по эффективной организации и проведению выборов, только уже на уровне штата.

Широкие полномочия как председателю комиссии переданы Секретарю штата. Он в частности должен:

- утверждать образцы петиций о выдвижении кандидатов, формы бюллетеней и другие документы;
- получать заявления о регистрации политических партий и органов;
- удостоверять официальные списки кандидатов от политических партий;
- предоставлять низовым избирательным комиссиям всю необходимую документацию;
- получать от нижестоящих комиссий протоколы подсчета голосов и подводить итоги голосования на праймериз и выборах;
- осуществлять иные полномочия, возложенные на него законом.

Следующий уровень избирательной комиссии штата — это комиссии графств, которые формируются Генеральной ассамблеей штата. Избирательные комиссии графств наделены следующими правами:

- получать петиции от граждан, совета регистраторов, исполкома политической партии графств и принимать решения по вопросам;
- разделения, пересмотра деления, изменения либо объединения избирательных участков;
- подготовка материалов для публикации о грядущих праймериз и выборах;

- хранение в надлежащем порядке оборудования для выборов;
- организация избирательных участков, в том числе назначение должностных лиц;
- получение протоколов голосования с избирательных участков, ведение подсчета и удостоверение результатов выборов и праймериз;
- подготовка проекта бюджета на проведение очередных выборов и т. д.

Нижестоящими комиссиями являются участковые избирательные комиссии. В каждой из участковых избирательных комиссий создаются советы, в которые входят главный управляющий и два заместителя. Члены участковой избирательной комиссии назначаются избирательной комиссией графства таким образом, чтобы в совете избирательного участка ни одна из политических партий не имела большинства голосов.

В российском же законодательстве предусмотрена немного другая структура избирательных комиссий субъектов. В эту структуру входит:

- избирательная комиссия субъекта;
- территориальная избирательная комиссия;
- избирательная комиссия муниципального образования;
- окружные избирательные комиссии (если выборы проходят по одномандатным или многомандатным избирательным округам);
- участковые избирательные комиссии;

Нужно отметить и иной порядок их формирования. Например, избирательные комиссии субъектов в Российской Федерации формируются на пять лет, а члены комиссии назначаются высшим должностным лицом и высшим законодательным органом субъекта по представлению политических партий, допущенных к распределению депутатских мандатов в Государственной думе РФ, а также по представлению Центральной Избирательной комиссии. Число членов — от десяти до четырнадцати человек с правом решающего голоса. Территориальные комиссии формируются также на пять лет в количестве от пяти до четырнадцати членов, формирование территориальных избирательных комиссии осуществляется комиссией субъекта по представлению политических партий, допущенных к распределению депутатских мандатов в Государственной думе Российской Федерации. При этом избирательная комиссия назначает не менее одной второй от общего числа членов территориальной избирательной комиссии [3].

При проведении избирательных кампании и в повседневной деятельности избирательная комиссия в Российской Федерации сотрудничает со многими государственными учреждениями, начиная с регистрирующих органов и заканчивая судами, военными комиссариатами и правоохранительными органами.

Таким образом, нужно отметить, что в Соединенных Штатах Америки как в одной из самых демократических стран мира за более чем двухсотлетнюю историю развития государственности и права организация избирательных комиссий все же недостаточно хорошо структурирована и урегулирована, что может привести к таким случаям, когда выборы органов государственной власти и должностных лиц, а равно волеизъявление граждан и честные, прозрачные выборы могут быть нарушены. Тем не менее в организации избирательных комиссии Соединенных Штатов Америки есть свои отличительные особенности, интересные для изучения, а возможно, и в дальнейшем для внедрения в российскую действительность.

Список литературы:

1. Печатнов В.О. США — Экономика, политика, идеология // Двухпартийная система и выборы. — 1982. — № 9. — С. 22—32.
2. Сайт конгресса США / Свод законов США/ Федеральные избирательные кампании / титул 2 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru> (дата обращения: 23.05.2014).
3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации./ Консультант плюс (дата обращения: 23.05.2014).
4. ЦИК РФ/ Издательская серия «Современные избирательные системы» // Избирательная система США. — Вып. 3. — 2009. — С. 104.

СЕКЦИЯ 6.

СТРАХОВОЕ, МЕДИЦИНСКОЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И НОТАРИАТ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент РГГУ,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

Чупина Эльвира Викторовна

*старший преподаватель кафедры экономико-управленческих
и правовых дисциплин филиала РГГУ в Великом Новгороде,
РФ, г. Великий Новгород*

LEGAL REGULATION OF INSURANCE ABROAD (COMPARATIVE ANALYSIS)

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, associate professor
of Russian State Humanitarian University,
Russia, Veliky Novgorod*

Elvira Chupina

*senior teacher of the Department of Economics,
management and law disciplines of the ranch
of Russian state humanitarian University in Velikiy Novgorod,
Russia, Velikiy Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам правового регулирования страхования. Авторы полагают, что новации в области страхования

за рубежом способствуют развитию и совершенствованию законодательства о страховании в России, заполнению пробелов в законе.

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of legal regulation of insurance. The authors believe that innovations in the field of insurance abroad contribute to the development and improvement of legislation on insurance in Russia, filling gaps in the law.

Ключевые слова: страхование; страховая деятельность; рынок; страховые услуги; страховой полис.

Keywords: insurance; insurance business; market; insurance services; the insurance policy.

Цель регулирования страховой деятельности как в России, так и за рубежом состоит в обеспечении формирования и развития рынка страховых услуг, создании условий для эффективной деятельности страховых организаций, а также в защите интересов страхователей.

Необходимость изучения зарубежного опыта страхования обусловлена многими факторами. В мире происходят активные процессы глобализации, вследствие чего проблемы правового регулирования страховой деятельности приобретают международный характер. Это приводит к необходимости координировать действия по государственному регулированию страховой деятельности. Россия может использовать значительный опыт правового регулирования, накопленный другими странами за долгое время. Кроме того, страхование осуществляется и во внешнеэкономической деятельности государства.

В статье будут рассмотрены вопросы правового регулирования страхования на примере некоторых стран Европейского Союза, а также США и Японии.

Каждая страна Европейского союза (ЕС) имеет свою собственную систему правового регулирования страхования, однако существует их координация на основе Директив ЕС.

Необходимость принятия таких Директив заключается в ликвидации барьеров в торговле страховыми услугами между странами ЕС и направлена на то, чтобы разрешить страховщикам из других стран-участниц ЕС функционировать на международных страховых рынках на тех же условиях, что и в своей стране. Внутри ЕС возможно взаимное предоставление страховых услуг без регистрации филиалов на территории данной страны. Это приводит к усилению сближения

национальных систем правового регулирования страховой деятельности.

Ряд Директив ЕС устанавливают обязательные стандарты, которые должны вводиться и в национальное страховое законодательство.

Деятельность страховщиков должна быть направлена на обеспечение своей финансовой устойчивости и платежеспособности, поэтому во многих странах ЕС контролируются предоставляемые годовые отчеты о проведенных страховых операциях, сведения о платежеспособности. В целях обеспечения надежности страховщиков устанавливаются резерв платежеспособности и технические резервы. Их минимальные уровни определяются в рамках Европейского союза.

Кроме того, в Директивах имеются нормы, касающиеся лицензирования страховой деятельности, предоставления бухгалтерской отчетности страховщиками. В России также существует система лицензирования, разработаны правила по формированию и размещению страховых резервов, устанавливается минимальный размер уставного капитала страховщиков.

Между Россией и странами ЕС на международном уровне заключаются соглашения, затрагивающие вопросы страхования.

Например, в соглашении «О партнерстве и сотрудничестве» (о. Корфу, 24 июня 1994 г.) зафиксировано, что одной из целей данного соглашения является принятие при соблюдении условий и правил, действующих в каждом государстве-члене положений, необходимых для координации систем социального страхования для работников — российских граждан, работающих на законных основаниях на территории одного из таких государств [3].

Этими положениями, в том числе закрепляется, что все периоды страхования, занятости или пребывания таких работников в различных государствах-членах будут суммироваться для целей определения пенсий по старости, инвалидности, а также в случае смерти и для целей медицинского обслуживания таких работников и членов их семей.

Одной из первых в Европе сформировалась Германская система страхования, в которой правовое регулирование и контроль над деятельностью страховщиков определено в законе о страховом надзоре. Закон был принят ещё в 1901 г., а последние изменения были внесены в 1991 г. Законом «Об учреждении федерального ведомства по надзору за страховой деятельностью», который определил правовые основы, статус, функции и права федерального ведомства [1]. До недавнего времени в Германии действовал жёсткий надзор

за установлением страховых тарифов, которые даже по добровольным видам страхования устанавливались государством.

В настоящее время в Германии существует система двухуровневого страхового надзора: действуют федеральный и земельные органы надзора. Содержание этих органов осуществляется, в том числе и за счет страховщиков, которые производят обязательные отчисления из страховых премий. Со своей стороны органы страхового надзора оказывают содействие страховщикам при получении субсидий от правительства и кредитов банков.

В Германии высокоразвито и эффективно функционирует социальное страхование, которое включает пенсионное страхование, страхование по безработице, обязательное медицинское страхование, включая пенсии по инвалидности и страхование от несчастных случаев.

Также как и в России в Германии существует страхование профессиональной ответственности нотариусов. Интересным может оказаться опыт данного вида страхования. Каждый нотариус в Германии заключает индивидуальный договор страхования, но кроме этого нотариальная палата обязана дополнительно заключить на каждого нотариуса два договора группового страхования, застраховав его дополнительно на определённую сумму для каждого страхового случая.

Все нотариальные палаты Германии добровольно создали общий специальный фонд для покрытия убытков, которые могут возникнуть по вине нотариусов. За счёт средств этого фонда покрывается ущерб в случае, если сумма покрытия по договорам группового страхования недостаточна для возмещения всего ущерба.

Страховое законодательство Франции представлено «Страховым кодексом», введённым в действие в 1976 году [4]. Он представляет собой кодификацию действующих правовых норм, касающихся страхования, разделённых на три части. Первая часть содержит нормы законов, вторая — постановления Правительства, третья — предписания других административных органов.

Во Франции сочетаются государственное регулирование и саморегулирование страхования. В этой стране долгое время отсутствовал орган по контролю и надзору в сфере страхования. В 1989 г. во Франции была создана Комиссия по контролю за страхованием, которая осуществляет проверку бухгалтерской отчётности страховщиков, контролирует порядок формирования технических резервов, анализирует платежеспособность.

Специально созданный государственный орган — Комиссия по контролю за социальным страхованием осуществляет контроль за медицинским страхованием во Франции. Для страхования профессиональной ответственности нотариусов предусмотрено создание центральной и региональных гарантийных касс. Они имеют статус юридического лица и действуют на основе специальных положений.

Страховая деятельность в Великобритании регулируется Законом о страховых компаниях от 1982 года. Также действуют законы о страховой корпорации «Ллойд», о страховых брокерах, о защите держателей полисов, а также правила, регулирующие деятельность страховых компаний и другие правовые акты [2]. В Великобритании функционирует единый орган страхового надзора, и все страховщики подчиняются общим требованиям.

Британская система регулирования страховой деятельности сочетает в себе черты либерального надзора и жёстких требований. Операции по страхованию подлежат лицензированию, хотя контроль со стороны государственных органов осуществляется преимущественно за финансовым состоянием страховщиков. С другой стороны, существуют высокие квалификационные требования к руководителям страховых организаций, включающие их профессионализм, компетентность и безупречную деловую репутацию. Так, для получения лицензии на осуществление страховой деятельности в Великобритании необходимо представить сведения о руководителе, в том числе биографические данные, информацию о квалификации, опыте, об отсутствии судимости, фактах неисполнения финансовых обязательств и другие. Высокие квалификационные требования к руководителю и главному бухгалтеру страховщика установлены и в России Федеральным законом «Об организации страхового дела в Российской Федерации».

В Англии в отличие от российского законодательства получить страховое возмещение может только страхователь, а не выгодоприобретатель. В этой стране наличие страхового интереса не является обязательным условием заключения договора имущественного страхования. Интерес страхователя может не присутствовать на протяжении всего срока действия страхового покрытия.

Британская система государственного регулирования страхования была принята за основу при разработке унифицированной системы на уровне ЕС.

В отличие от Британской модели, характеризуемой единством системы регулирования, в США действует децентрализованная

модель, где практически отсутствует регулирование страхования на федеральном уровне. В этой стране действуют системы регулирования страхования в каждом отдельном штате, имеющие собственные органы страхового надзора. Только некоторые виды страхования, такие как ядерное, от наводнений, неурожая, против преступлений и другие регулируются исключительно федеральными органами.

В США важная роль на федеральном уровне отводится Национальной конференции страховых законодателей, а также Национальной ассоциации страховых комиссаров. Главная задача страхового комиссара состоит в защите страхователей и оказании помощи органам страхового надзора.

В Японской системе государственного регулирования страхования осуществляется наиболее жёсткий по сравнению с другими странами контроль над страховыми тарифами, действует сложный порядок получения лицензии. В этой стране требуется представлять для утверждения общие условия страхования, в отличие от стран ЕС, где не требуется ни утверждения, ни представления таких условий, за исключением обязательного страхования.

Японию наряду со странами ЕС и США можно отнести к мировым лидерам в сфере страхования, однако эта страна является наиболее закрытой для участия иностранных страховщиков.

Таким образом, несмотря на различие систем государственного регулирования страховой деятельности в развитых странах их объединяет то, что данному вопросу со стороны государства уделяется большое внимание.

Список литературы:

1. Закон Германии 1991 г. «Об учреждении федерального ведомства по надзору за страховой деятельностью»/[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.plam.ru/shpori/strahovoe_pravo/p54.php (Дата обращения 20.05.2014).
2. О страховой корпорации «Ллойд»/[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://yandex.ru/yandsearch?clid=2008778-1033&win=69&lr=24&text> (Дата обращения 20.05.2014).
3. Соглашение «О партнерстве и сотрудничестве» (о. Корфу, 24.06.1994 г.)/[Электронный ресурс] — Режим доступа. — КонсультантПлюс (Дата обращения 20.05.2014).
4. Страховой кодекс Франции/[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.vevivi.ru/best/Strakhovoi-rynok-Frantsii-ref82390.html> (Дата обращения 20.05.2014).

СЕКЦИЯ 7.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ОБЪЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

Индрисова Зара Нальбиевна

*аспирант Кубанского Государственного Аграрного Университета,
РФ, г. Краснодар*

E-mail: yiva-bella@yandex.ru

THE OBJECT OF THE INFORMATIVE LAW

Indrisova Zara

*graduate student of the Kuban State Agrarian University,
Russia, Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена решению проблемы определения объекта информационного права. Автор приходит к выводу, что действие такой отрасли права, как информационное, затрагивает все сферы жизнедеятельности человека. Информационное право трансформирует абсолютно все, чем может заниматься субъект, без исключения.

ABSTRACT

The article deals with the solution of the problem to give definition to the object of informative law. The author concludes that the force of data protection law affects all spheres of human life. The data protection law transforms absolutely everything that a subject can deal with.

Ключевые слова: информационное право; объект информационного права; информационно-правовые отношения; информационно-правовая норма.

Keywords: informative right; the object of informative law; informatively-legal relations; informatively-legal norm.

Как известно, этимологически слово «информация» произошло от латинского *informatio*, что в переводе означает «излагать», «разъяснять». Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова определяет информацию как действие (по глаголу «информировать»), а также как сообщение или осведомление кого-либо о сложившейся ситуации, сведениях [8].

Энциклопедия Информациологии определяет информацию, как «сведения, которые представляют собой объект хранения, переработки и передачи», а также как «меру приведения системы в порядок» [11, с. 257].

В науке все еще отсутствует общепризнанное понятие термина «информация». В юридической ученой среде признаются два понятия информации: в широком и узком смыслах [2].

Закрепление законодательного понятия информации в российском праве относится к нескольким отраслям.

Впервые законодательная дефиниция понятия информации была закреплена в нормах Федерального закона от 20.02.1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации» [9]. Она рассматривалась в качестве сведений о людях, предметах, фактах, явлениях и процессах, вне зависимости от формы их выражения. Таким образом, законодатель определил информацию, как сведения, обозначив ее субъектный и предметный характер.

Позднее был принят Федеральный закон от 27.07.2006 г. «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [10], определивший информацию как сведения или данные, вне зависимости от формы их выражения.

В данном определении понятие информации дано в наиболее общем виде.

Правовое регулирование информации как объекта очень сложен [7] и многогранен в силу того, что информация представляет собой саморазвивающееся общественное явление.

Помимо возникающей сложности информации, как объекта правового регулирования, на сложность ее определения влияют характерные черты той или иной информационной среды.

Выделяют следующие характеристики, которые обуславливают специфичность информации в качестве объекта правового регулирования:

1. ее нематериальный характер;
2. субъективность (т. к. возникновение информации обусловлено результатом деятельности субъекта, обладающего сознанием);
3. необходимость обладания чертами объекта для правовой идентификации;

4. количественные характеристики;
5. возможность неоднократного использования;
6. возможность сохранения информации как объекта;
7. возможность реализации хранения, передачи, изменения

и копирования.

Рассматривая и расценивая информацию в качестве объекта права, необходимо уточнение сущности и самого понятия правовой информации, в силу того, что именно этот термин употребляют органы государственной власти в процессе принятия управленческих решений. Это связано с тем, что информация, являясь объектом правового регулирования, детерминирует множество процессов, протекающих в обществе и государстве в целом.

Федеральный закон от 27.07.2006 г. закрепляет право человека и гражданина на доступ к информации, выделяя при этом три сегмента законодательного регулирования:

- право на поиск, получение, передачу и распространение информации;
- использование информации в незапрещенных законом целях;
- обеспечение информационной безопасности.

В законодательстве отсутствует термин «доступ к информации». Данное понятие является многоаспектным, в силу чего для определения данного термина, формирования на его основе определения «право на доступ к информации», а также приведения их юридического восприятия к единообразию, необходим глубокий анализ механизма реализации права на доступ к информации.

В юридической науке выделяют следующие механизмы доступа к информации:

1. создание стройной структуры уровней открытой для доступа информации, которая подлежит обязательному опубликованию в СМИ, открытому и свободному предоставлению обратившимся за нею гражданам;
2. построение структуры органов государственной власти и местного самоуправления, в обязанность должностных лиц которых входит предоставление информации обратившимся лицам;
3. опубликование в средствах массовой информации документированной информации, которая подлежит обязательному распространению, а также перечней, устанавливающих ограничения и запреты в информационной сфере;

4. создание системы баз данных в органах государственной и власти и органах местного самоуправления, находящихся на общедоступных серверах;

5. указание в СМИ адресов, по которым располагаются вышеуказанные серверы с общедоступной информацией;

6. установление порядка и последовательности процесса предоставления информации, включающего в себя сроки, объем и вид предоставления информации, зависящие от правового статуса граждан и организаций, запрашивающих информацию;

7. организация и указание на источники финансирования центров, предоставляющих запрашиваемую информацию.

Право на доступ к информации являет собой возможность к ознакомлению и восприятию данных, что в свою очередь, обуславливает возможность их дальнейшего использования.

Разделение видов доступа к информации демонстрирует вариативность способов получения гражданами и организациями искомых сведений [3]:

Опубликование информации:

- в средствах массовой информации;
- в глобальной сети Интернет;
- в справочной литературе;
- опубликование информации в местах массового скопления людей.

Доступ к электронным и бумажным носителям:

- в организованных местах доступа к информации;
- в библиотеках;
- в специально организованных местах, располагающихся

в органах власти.

Доступ к заседаниям органов государственной власти и местного самоуправления.

Запрос на предоставление искомой информации:

- в письменном виде;
- посредством электронной почты;
- факсом;
- иным, не запрещенным законом способом;

Размер и специфичность содержания информации в определенной мере зависят от механизма обеспечения доступа к ней, тем не менее, любая информация, которой располагают и распоряжаются органы власти, и которая не подвержена ограничению в доступе, в конечном результате оказывается принципиально доступной [1].

Неотделимой частью определения информации является особенно актуальная в наши дни проблема обеспечения права граждан на свободу от информации, особенно в современной агрессивной информационной среде [4, с. 31].

В современных реалиях потребитель должен быть защищен от информации, которая может тем или иным способом негативно сказаться на психике человека; несовершеннолетние в обязательном порядке должны быть защищены от информации, несущей в себе агрессию, агитацию к насилию, и которая может нанести удар по их здоровью, духовному развитию и нравственному восприятию; также человек, как потребитель, должен быть огражден от информации, несущей в себе недостоверные сведения, в том числе, от недобросовестной и не входящей в рамки этики, рекламы; человек непременно должен быть защищен от информации агрессивной, противозаконной и агитационной направленности.

Право на защиту от такой информации — очень сложный процесс, включающий в себя множество многоаспектных понятий, таких, как: право на защиту от недобросовестной рекламы, право на защиту от недостоверной информации нерекламного характера, опубликованной в СМИ, право на защиту от недостоверной информации иного характера [6].

Из вышеуказанного можно сделать вывод о том, что кроме непосредственно информации, предметом правового регулирования должны выступать следующие категории. Вне зависимости от области, в которой протекает деятельность человека, общества и государства, обеспечение информационной безопасности тесно связано с ее сбором, хранением, поиском, изменением, использованием. Именно в этой взаимосвязи, информационные процессы могут являться объектом правового регулирования в информационной сфере. Стоит подчеркнуть, что источник информации является неотделимой частью объекта правового регулирования в информационной сфере [5].

Внесение правовых механизмов в процесс информатизации опосредует изучение и определение самого понятия «информатизация». Без этого невозможно выявлять черты и признаки информационного общества, а также установить занимаемую позицию права в его формировании и становлении. В своей работе «Будущее права. Взгляд через развитие информационных технологий» Ричард Саскинд справедливо отмечает, что одним из первых сформулированных определений информатизации было определение, данное Сюзанной Зубофф в ее научном труде «Век интеллектуальной техники»

и звучащее как «создание потока информации в автономном режиме» [12, с. 50].

Российская государственность в XXI веке не может развиваться без создания эффективных основ для регулирования общественных отношений, возникающих в информационной сфере, а также регулирования основ информационной безопасности.

Список литературы:

1. Бачило И.Л. , Лопатин В.Н. , Федотов М.А. , учебник «Информационное право», Юридический центр Пресс, Санкт-Петербург, 2001.
2. Башаратьян М.К. «Информация как объект права и содержание права на информацию» // «Современное право», 2006, № 12.
3. Вешняков А.А. «Проблемы использования интернета на выборах в Российской Федерации» // «Информационное право», 2006, № 4.
4. Злобин Н. Авторское право ... на себя. О выживании в агрессивной информационной среде. // СреДа. — 2001. — № 12(36). — С. 31.
5. Китайчик М.М. «Право на защиту от информации» // «Конституционное и муниципальное право». 2007. № 3.
6. Копылов В.А. , учебник «Информационное право», Юрист, Москва, 2002.
7. Нестеров А.В. «Закон принят. Проблемы остались» // «Информационное право», 2006, № 4.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: изд. АСТ. 2010.
9. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 20 февраля — 1995 г. — № 8. — Ст. 609.
10. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» // СЗ РФ, 31.07.2006, — № 31 (1 ч.), — ст. 3448.
11. Энциклопедия Информациологии, Москва, 2000, — С. 257.
12. Sassrind R. The future of Law/ Facing the Challenges of Information Technology. Clarendon press. Oxford. 1996.h.50.

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Самусевич Алексей Геннадьевич

*канд. юрид. наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Иркутского государственного технического университета,
РФ, г. Иркутск
E-mail: samusevich79@mail.ru*

INSTITUTES OF CIVIL SOCIETY IN THE MECHANISM OF REALIZATION OF CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY

Samusevich Alexey

*candidate of Legal sciences,
Associate Professor of the Department of State legal disciplines,
National Research Irkutsk State Technical University,
Russia, Irkutsk*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье, исходя из авторского подхода к структуре механизма реализации юридической ответственности, рассматривается механизм реализации конституционно-правовой ответственности. Отдельным структурно-функциональным элементом этого механизма выступают институты гражданского общества. В статье рассматривается взаимосвязь представленных институтов и конституционно-правовой ответственности.

ABSTRACT

In the present article, according to the author's concept about structure of the mechanism of realization of legal responsibility, the mechanism of realization of the constitutional responsibility is considered. Independent element of this mechanism are institutes of civil society. In article the interrelation of institutes of civil society and the constitutional responsibility is considered.

Ключевые слова: конституционная ответственность; механизм реализации юридической ответственности; гражданское общество;

конституционное правонарушение; механизм реализации конституционно-правовой ответственности.

Keywords: constitutional responsibility; mechanism of realization of legal responsibility; civil society; constitutional offense; mechanism of realization of the constitutional responsibility.

На современном этапе государственного развития институт конституционно-правовой ответственности имеет важнейшее практическое значение, являясь одной из гарантий укрепления правопорядка, защиты прав и свобод граждан, тем самым, выступая необходимой предпосылкой формирования демократического режима. Если быть точнее, применительно к заявленной теме, без ответственности государства перед гражданами невозможно построение гражданского общества и правового государства в Российской Федерации. Исходя из этого, можно предположить, что с одной стороны, отлаженный механизм реализации данного вида ответственности — это условие построения гражданского общества, а с другой стороны — гражданское общество, включаясь в этот процесс, является динамической составляющей механизма реализации конституционно-правовой ответственности.

Н.В. Витрук совершенно справедливо указывает: «С переходом к свободному гражданскому обществу, плюрализму и демократии, правовому государству функционирования публичной власти, отношения граждан и государства все более осуществляется в рамках конституционных отношений и процедур, а их умышленное нарушение требует как восстановления конституционности, так и соответствующего справедливого наказания виновных субъектов конституционного права за конституционные правонарушения» [2, с. 168—169].

«Вместе с тем, — обоснованно отмечают в своей книге Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, — в виду своей теоретической неразработанности, коллизионным остается вопрос о понятии механизма реализации конституционно-правовой ответственности. Проблема и состоит в том, что в юридической литературе нет ясного представления о том, каковы должны быть основания данного вида ответственности, перечень субъектов и инстанций ее применения, а также процедурные режимы привлечения» [7, с. 652—681].

Кроме того, как представляется, именно сложность процедуры применения данного вида ответственности порождает безнаказанность субъектов и пренебрежение со стороны инстанций к использованию соответствующих санкций. Все это приводит к выводам о неэффективности правового регулирования конституционно-правовой

ответственности в Российской Федерации. Еще трудней определить место и роль гражданского общества в механизме реализации конституционно-правовой ответственности.

Вместе с тем, конституционное законодательство, устанавливающее все новые виды санкций, и правоприменительная практика значительно опережают развитие теории конституционно-правовой ответственности. Наблюдается бурный рост числа её мер, закрепленных законодательно, но при этом их появление зачастую вызывается стремлением усилить централизацию власти, ограничить права субъектов федерации и граждан, возвысить роль тех или иных высших органов власти в механизме применения соответствующих санкций. Например, в современной конституционной практике присутствует юридическая ответственность должностных лиц, а также представительных органов за издание незаконного (противоречащего Конституции РФ) нормативно-правового акта. К таким институтам можно отнести досрочное прекращение полномочий, отрешение от должности и роспуска.

В свою очередь, сопоставляя имеющиеся научные подходы к определению конституционной ответственности, О.В. Гороховцев определяет данное правовое явление в виде «обязанности субъектов не совершать правонарушения и ответственно относиться к своим конституционным обязанностям, а в случае их нарушения претерпевать определенные конституцией и иными источниками конституционного права неблагоприятные последствия» [4, с. 64].

Для того, чтобы строить логичную цепь рассуждений о структуре механизма конституционно-правовой ответственности, как представляется, необходимо первоначально рассмотреть основные элементы данного механизма, после чего определиться, могут ли институты гражданского общества быть субъектами правоотношений конституционно-правовой ответственности.

С определенными оговорками можно предположить, что конституционно-правовая ответственность является разновидностью юридической ответственности, следовательно, выполняет регулятивную, карательную и восстановительную функции. В связи с этим, нельзя не согласиться с точкой зрения Г.А. Гаджиева, что такой подход к содержанию конституционно-правовой ответственности, оценивается как реалистический [3, с. 9].

Исходя из общего содержания механизма реализации юридической ответственности, который представляется в виде совокупности его структурно-функциональных элементов [5, с. 14—34], механизм реализации конституционно-правовой ответственности может быть представлен в виде *системы взаимодействующих элементов*,

обеспечивающих динамику реализации конституционно-правовой ответственности, посредством которых осуществляется процесс воплощения в жизнь предписаний конституционно-правовых норм адресату, совершившему конституционное правонарушение, с целью защиты законных прав и интересов субъектов правового регулирования, а также осуществление мер в отношении правонарушителя.

При этом, данный механизм включает в себя следующие структурно-функциональные элементы:

1. *организационный* (совокупность субъектов, вовлеченных в процесс реализации конституционно-правовой ответственности. В качестве субъекта, помимо правонарушителя, могут выступать и институты гражданского общества);

2. *нормативный* (нормативная правовая база, регламентирующая поведение всех субъектов, участвующих в процессе реализации конституционно-правовой ответственности);

3. *инструментальный* (юридические средства, при помощи которых реализуется конституционно-правовая ответственность);

4. *функциональный* (правоотношения, в рамках которых реализуются права и обязанности субъектов конституционно-правовой ответственности).

Рассматривая основания данного вида ответственности, то с уверенностью можно предположить, что конституционно-правовая ответственность начинает реализовываться с момента совершения субъектом конституционного правонарушения. Представляется верным определение Я.А. Успенской, согласно которому единственно возможным основанием применения мер принуждения должен являться конституционный деликт, внешним проявлением которого выступает нарушение конкретных норм конституционного законодательства (отклонение от законодательной модели поведения), обеспеченных возможностью применения к нарушителю определенных государственно-властных мер принудительного характера [6, с. 85].

Для того чтобы выявить роль и место институтов гражданского общества в механизме реализации конституционно-правовой ответственности, необходимо проанализировать, при каких условиях данные институты включаются в указанный механизм и придают динамику процессу реализации ответственности.

Как известно, гражданское общество это относительно новый феномен российской действительности, имеющий размытые характеристики и вместе с тем испытывающий совершенно разные

подходы к определению своей сущности со стороны ученых-политологов, социологов и юристов.

Под институтами гражданского общества, по общему правилу, следует понимать организованные объединения граждан, действия которых направлены на реализацию каких-либо целей и задач, а также на разрешение актуальных для общества проблем.

Чаще всего это общественные движения, неправительственные организации, объединения граждан (такие группы называют гражданскими инициативами), а также структуры, их объединяющие, например, сетевые общероссийские или региональные неправительственные организации, общественные палаты, комитеты и т. п.

Суть гражданского общества, по мнению некоторых ученых, заключается в активном правовом поведении широких слоев населения и превращении института государства в инструмент достижения той цели, которую определяют организованные и неорганизованные народные массы.

Такие политико-правовые институты, как демократические выборы, референдум (в том числе и инициативный), участие партий в политике, право петиций, иные формы непосредственной демократии, право законодательной инициативы и т. п., способствуют не просто контролю общества за органами государственной власти, но делают последние (в определенных пределах) зависимыми от политически активной общественности [1, с. 67].

В связи с этим, прослеживается активное участие гражданского общества и в механизме реализации конституционно-правовой ответственности.

Например, институты гражданского общества могут активно выступать, через законодательные (представительные) органы инициатором парламентских расследований по фактам грубого нарушения конституционных прав граждан, по итогам которого может следовать санкция конституционно-правовой ответственности — отставка должностного лица, нарушившего конституционные нормы. Кроме того, в некоторых уставах муниципальных образований установлено, что инициатива в проведении отзыва выборных лиц принадлежит лицам, обладающим активным избирательным правом и проживающим на территории соответствующего избирательного округа. Подобных примеров можно привести множество.

Как следует из приведенного анализа конституционно-правовой ответственности, институты гражданского общества могут и должны выступать в качестве субъектов ответственности в том случае, если обладают всеми признаками такого субъекта.

Впрочем, абсолютно отделять друг от друга эти два института нельзя, так как эффективность реализации конституционно-правовой ответственности напрямую зависит от активного участия в ней не только государственных, но и общественных структур. Именно институты гражданского общества, являясь структурно-функциональным элементом механизма реализации конституционно-правовой ответственности, выступают той движущей силой, которая способна обеспечить адекватное восприятие и реализацию законных общественных интересов, с целью недопущения нарушения конституционных норм при принятии решений органами власти всех уровней.

Однако на практике во взаимодействии государственных и общественных институтов, в том числе по вопросам привлечения к ответственности должностных лиц, наблюдается немалая разобщенность. В этом отношении основной акцент следует делать на повышении уровня правосознания и правовой грамотности участников правоотношений.

Таким образом, представленная в статье концепция соотношения институтов гражданского общества и механизма реализации конституционно-правовой ответственности может стать основой для дальнейшего развития теории ответственности в конституционном праве, аспекты которой остаются малоизученными и требующими более обстоятельного теоретического исследования и последующей реализации в нормах российского законодательства.

Список литературы:

1. Баранов П.П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2003. — 145 с.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2009. — 432 с.
3. Гаджиев Г.А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность// Журнал российского права. — 2014. — № 1 (205). — С. 7—15.
4. Гороховцев О.В. Юридическая природа конституционной ответственности // Вестник Воронежского института МВД России. — 2013. — № 2. — С. 62—65.
5. Самусевич А.Г. Институт процессуального расследования правонарушения в механизме реализации юридической ответственности (теоретико-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. — 172 с.

6. Успенская Я.А., Соотношение конституционной ответственности с другими видами юридической ответственности // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 1. — С. 83—89.
7. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. — 951 с.

СЕКЦИЯ 8.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бернд Алина Александровна

*помощник депутата Совета депутатов города Новосибирска,
Совет депутатов города Новосибирска,*

РФ, г. Новосибирск

E-mail: a-manayeva@mail.ru

FINANCIAL LIABILITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alina Bernd

*deputy assistant of the Novosibirsk city Soviet of Deputies,
Novosibirsk city Soviet of Deputies,
Russia, Novosibirsk*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению понятия финансово-правовой ответственности в РФ. Финансово-правовой ответственности как один из видов юридической ответственности. Рассмотрены понятие финансового правонарушения, виды финансово-правовой ответственности.

ABSTRACT

Article enlightened consideration of the concept of financial liability in the Russian Federation. Financial liability as one of the types of legal liability. Consider the concept of financial delict, types of financial liability.

Ключевые слова: юридическая ответственность; финансово-правовая ответственность; финансовое правонарушение; ответственность за нарушение налогового законодательства; ответственность за нарушение бюджетного законодательства.

Keywords: legal liability; pecuniary liability; financial delict; violation of the tax legislation; violation of the budget legislation.

Наличие противоправных деяний со стороны субъектов права (налогоплательщиков, участников бюджетного процесса, участника валютно-финансовых операций и т. д.), послужило основанием для появления такого института как финансово-правовая ответственность. Финансово-правовая ответственность в настоящее время активно изучается (авторы исследуют понятие, сущность, виды, меры ответственности и т. д.), но общего определения финансово-правовой ответственности, ее места в правовой науке, ее элементов так до конца и не выработано, нет четкого закрепления в нормативных документах определения всех видов финансовой ответственности (как правило, выделяют только налоговую и бюджетную ответственность).

В силу того, что финансовая ответственность является подвидом юридической ответственности, то представляется необходимым рассмотреть данное явление. Среди ученых, исследующих вопросы, связанные с природой юридической ответственности, выделяется две точки зрения по поводу характеристики и основания юридической ответственности. Сторонники одного мнения выделяют два основания данного правового института: первое — правовое основание, т. е. обязательное закрепление положений о юридической ответственности в нормативных актах; второе — само правонарушение, т. е. совершенное противоправное деяние, являясь фактическим основанием, которое приводит в движение всю структуру юридической ответственности» [4, с. 12—17].

Согласно части 2 ст. 54 Конституции РФ [7] никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Отсутствие состава правонарушения, установленного нормативным актом, действующим в момент совершения противоправного деяния, исключает юридическую ответственность.

Сторонники другого взгляда, помимо наличия правонарушения, содержащегося в нормативном акте, требуют также и процессуального основания, которым признается акт судебного или административного органа применения юридической ответственности [6, с. 205—206].

Таким образом, основаниями юридической ответственности следует считать нормативное, фактическое и процессуальное.

Необходимо заметить, что юридическая ответственность также обладает и охранительной функцией, поскольку государство стремится к стимулированию участников общественных отношений к совершению

действий в интересах общества путем закрепления в нормативно-правовых актах мер ответственности.

При этом следует разграничивать меры принуждения к исполнению обязанности субъекта права и меры юридической ответственности, которая связана с совершением правонарушения в случае возложения дополнительного бремени наряду с пресечением нарушения и восстановлением нарушенных прав. Исполнение обязанности в принудительном порядке, не выполненной добровольно не может являться мерой юридической ответственности, в силу отсутствия дополнительного бремени при принуждении к исполнению обязанности [3].

Таким образом, юридическая ответственность — это мера государственного принуждения, закрепленная в норме права, обладающая охранительной функцией, возникающая как реакция на совершение противоправного деяния, наряду с применением мер пресечения и правовосстановительных мер.

В юридической литературе понятие финансово-правовой ответственности рассматривается многими авторами и трактуется примерно единообразно. С.Е. Батыров определяет финансово-правовую ответственность как «правоотношение, возникающее из нарушения установленных законодательством финансовых обязательств, выражающееся в применении к правонарушителю мер финансово-правового характера, влекущих наступление невыгодных имущественных последствий вследствие отрицательной оценки государством его противоправного виновного деяния, наступление которых обеспечивается возможностью государственного принуждения» [1, с. 13]. А.А. Мусаткина считает, что «финансово-правовая ответственность является юридической обязанностью субъектов финансовых правоотношений по соблюдению предписаний норм финансового законодательства, реализующуюся в правомерном поведении, а в случае совершения финансового правонарушения — обязанность правонарушителя претерпеть осуждение и ограничения имущественного или неимущественного характера» [8].

По мнению Н.В. Сердюковой, сформулировавшей признаки финансово-правовой ответственности, данная категория установлена нормами финансового права, возникает за особое финансовое правонарушение, обеспечивается специфическими мерами государственного принуждения, связана с применением санкций финансово-правовых норм, выражается в неблагоприятных последствиях для правонарушителя, реализуется в соответствующей постепенно зарождаемой процессуальной форме, реализует охранительные нормы

финансового правоотношения, применяется уполномоченными на то субъектами [10, с. 13]. Многие авторы указывают на наличие в рамках финансово-правовой ответственности особого рода финансовых санкций.

Стоит отметить, что, если в норме не закреплена обязанность по соблюдению предписаний, то соответственно и отсутствуют предпосылки для возникновения финансовой ответственности. Финансово-правовая норма выступает формальным основанием финансовой ответственности.

Поскольку финансово-правовая ответственность возникает только при совершении правонарушения, то необходимо определить и данное понятие.

Финансовое правонарушение — закрепленное в норме права, совершенное противоправное деяние (действие или бездействие), субъектом финансового права, за которое законодательством (как финансовым, так и административным) установлена ответственность.

В законодательстве РФ не содержатся такие понятия как «финансово-правовая ответственность», «финансовое правонарушение», но в налоговом и бюджетном законодательстве РФ, которые являются частью финансового законодательства РФ, присутствуют нормы права, устанавливающие правонарушения и ответственность за их совершение. Согласно ст. 106 Налогового кодекса РФ (далее НК РФ) налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое установлена ответственность. Глава 16 НК РФ устанавливает виды налоговых правонарушений и ответственность за их совершение [9].

Согласно ст. 306.1 Бюджетного кодекса РФ (далее БК РФ) бюджетным нарушением признается совершенное в нарушение бюджетного законодательства РФ, иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, и договоров (соглашений), на основании которых предоставляются средства из бюджета бюджетной системы РФ, действие (бездействие) финансового органа, главного распорядителя бюджетных средств, распорядителя бюджетных средств, получателя бюджетных средств, главного администратора доходов бюджета, главного администратора источников финансирования дефицита бюджета, за совершение которого предусмотрено применение бюджетных мер принуждения. Действие (бездействие), нарушающее бюджетное законодательство РФ, иные нормативные правовые акты, регулирующие бюджетные

правоотношения, совершенное лицом, не являющимся участником бюджетного процесса, влечет ответственность в соответствии с законодательством РФ. В БК РФ закреплены меры ответственности (принуждения) за нарушение бюджетного законодательства, такие как:

- беспорное взыскание суммы средств, предоставленных из одного бюджета бюджетной системы РФ другому бюджету бюджетной системы РФ;
- беспорное взыскание суммы платы за пользование средствами, предоставленными из одного бюджета бюджетной системы РФ другому бюджету бюджетной системы РФ;
- беспорное взыскание пеней за несвоевременный возврат средств бюджета;
- приостановление (сокращение) предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций);
- передача уполномоченному по соответствующему бюджету части полномочий главного распорядителя, распорядителя и получателя бюджетных средств [2].

Другие правовые институты финансового законодательства (валютное, таможенное, банковское и др.) не содержат исчерпывающее понятие правонарушения в той или иной сфере.

В главе 15 Кодекса об административных правонарушениях РФ установлены нормы, обуславливающие административную ответственность в других сферах финансового законодательства (валютного, таможенного и т. д.) [5].

Итак, финансово-правовую ответственность можно определить, как меру государственного принуждения по соблюдению финансового законодательства, применение которой осуществляется уполномоченными на то государственными органами, возлагающими на субъект противоправных деяний дополнительные обременения, а также способствующей должное выполнение субъектами права своих финансовых обязанностей.

Список литературы:

1. Батыров С.Е. Финансово-правовая ответственность. Автореф. дис... канд. юр. наук. М., 2003. — 22 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2013, с изм. от 03.02.2014). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2014).
3. Гейхман О.М. Бюджетно-правовая ответственность в системе юридической ответственности // Финансовое право, 2004, № 5. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2014).

4. Духно Н.А., Ивакин В.И. Понятие и виды юридической ответственности // Государство и право. — 2000. — № 6. — с. 12—17.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.04.2014). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2014).
6. Конин Н.М. Административное право России. Общая и Особенная части: Курс лекций. М., 2004. — 560 с.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2014).
8. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность как вид юридической ответственности// Журнал российского права, 2005, № 10. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2014).
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.04.2014). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2014).
10. Сердюкова Н.В. Финансово-правовая ответственность по российскому законодательству: становление и развитие. Автореф. дис... канд. юр. наук. Тюмень, 2003. — 26 с.

РИБА — ОБЯЗАННОСТЬ ИЛИ ПРАВО

Татуев Арсен Азидович

*д-р экон. наук, Профессор кафедры «Конституционного
и административного права» Кабардино-Балкарского
Государственного Университета им. Х.М. Бербекова,
РФ, г. Нальчик*

Кундетова Кристина Ануаровна

*магистр 2 года обучения кафедры «Конституционного
и административного права» Кабардино-Балкарского
Государственного Университета им. Х.М. Бербекова,
РФ, г. Нальчик*

E-mail: ev.malyafka@mail.ru

RIBA — A DUTY OR A RIGHT

Arsen Tatuev

*doctor of Economics, professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law, Kabardino-Balkarian State University
named after H.M. Berbekov,
Russia, Nalchik*

Kristina Kundetova

*master's degree student of the 2nd year, Department of Constitutional
and Administrative Law, Kabardino-Balkarian State University
named after H.M. Berbekov,
Russia, Nalchik*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена раскрытию такого понятия как «риба». Данный способ «каннибализма» в экономике зародился задолго до появления денег. Поначалу процесс одалживания средств под процент носил бессистемный характер и назывался ростовщичеством, но позднее с развитием государственности, оно приобрело черты банковской деятельности. До сих пор финансовые институты ислама остаются «вещью в себе». Поэтому и изучение исламского банковского дела нужно для понимания сущности работы исламских банков и возможных путей взаимодействия с исламским капиталом.

ABSTRACT

The article is devoted to the concept of riba. Suchway of “cannibalism” in economy emerged long before appearance of money. Firstly, the process of lending money a tinterest was random and it was called “usury” but later along with the development of statehood it acquired features of banking activities. Until now Islamic financial institutions remain “a thing in itself”. That is why studying of Islamic banking is necessary for understanding the essence of Islamic banks’ functioning and potential ways of cooperation with Islamic capital.

Ключевые слова: исламский банкинг; риба; ростовщичество; кредит; процент.

Keywords: Islamic banking; riba; usury; credit; percent.

Наверное, каждый мусульманин хоть раз слышал утверждение из Корана о том, что «Аллах разрешил торговлю и запретил рост» [3]. Вопросы ростовщичества неоднократно встречаются в Коране. За многие века мусульманскими учеными были написаны множество книг, в которых они разъясняли, какие именно виды экономических отношений подлежат запрету по шариатским законам в виду наличия в них такого элемента как «риба» (ростовщичество).

В узком смысле под ростовщичеством понимается «извлечение чрезмерной выгоды из денежной ссуды путем эксплуатации затруднительного положения должника», в широком — «любая договорная сделка, при которой происходит несоразмерное оказываемой услуге обогащение вследствие нужды или стесненного положения другой стороны» [6].

В это же время жизнь исламской общины (уммы) свидетельствовала о том, что после эпохи халифов, исламские экономические отношения были очень далеки от исламского идеала. Некоторые государственные деятели предпринимали попытки применить экономические принципы ислама к регионам или даже целому государству, но они сталкивались с нежеланием других участников рыночных отношений менять привычные для них способы ведения дел. Более того, в нелегких условиях бюджетного дефицита и иных проблем в экономике, они сами же нарушали экономические запреты, установленные шариатскими законами.

Откупная система, существовавшая с давних пор на Востоке, немало способствовала развитию в мусульманском мире ростовщичества. Свое влияние оказала популярная при Аббасидах система прямых вымогательств и конфискаций со стороны государства

у разбогатевших на госслужбе людей. В связи с этим предоставление кредитов жертвам таких конфискации стало обычным явлением. Люди, попавшие в безвыходное положение, были готовы брать кредиты под тысячу процентов.

Ростовщические отношения были весьма распространены и в Османском государстве. Узаконение процентных займов было ответом на пренебрежение запрета ростовщичества в деловом обороте. Теологи были вынуждены оправдать существование различных видов запрещенных шариатом отношений с точки зрения теории интереса, распространенной в классическом мусульманском праве. Согласно этой теории, все новшества, в том числе и противоречащие шариатским нормам, оправдывались улемами с акцентом на интересы всей уммы, хотя зачастую речь шла только об интересах небольшой группы людей. Использование средств, собранных в виде закята, не по назначению, получение дохода от благотворительности (вакфов), участие в качестве заемщика в ростовщических операциях — лишь примеры пренебрежения правящей элиты мусульманских государств нормами шариата.

Впрочем, ради справедливости стоит отметить, что чаще мусульмане выступали как заемщики, нежели как заимодавцы. Зачастую, представители иных конфессий пользовались двойственностью отношения мусульман к проценту. Предприниматели-мусульмане, нуждаясь в дополнительных финансах, обращались к ростовщикам-христианам, индусам, иудеям, а те охотно давали им кредит, но на более жестких условиях, нежели для представителей своей веры. В Индии, к примеру, процент кредита, который выдавался мусульманам, был в 4 раза выше, чем такой же кредит, но уже выдаваемый заемщикам-индусам. Конечно, такая ситуация не устраивала предпринимателей-мусульман, поэтому вопрос создания мусульманского банка был лишь временным вопросом. Главная проблема состояла в том, на каких же условиях такие банки будут работать.

Некоторые элементы и институты исламской экономики довольно успешно продолжали функционировать в отдельных регионах исламского мира. Это, прежде всего, мушарака, мудараба, алвуджух — партнерство, основанное на шариате, но в условиях развивающегося капитализма они уже не могли заменять собой банки. Требовались материальные и интеллектуальные ресурсы, которых на тот момент не было в нужном количестве.

Намного проще было использовать уже существовавшие банки. В 60-х годах XIX века предприниматели-мусульмане вошли в правление индийских банков наряду с индусами и англичанами.

В это время начали появляться работы, которые объясняли, что Коран не против процента, а против чрезмерного процента.

В последующем находились люди, считающие, что любой процент разрешен в исламе. Геолог и бандунгский коммерсант А. Хасан высказал мнение о том, что практически все хадисы, запрещающие ростовщичество, были сфальсифицированы христианами, парсами и иудеями, дабы ослабить экономическую мощь мусульман. А. Хасаном, а также другими авторами игнорировался тот факт, что запрет риба не был придуман мусульманами, но за много веков ниспослания Корана был недвусмысленно выражен в этических учениях древности [1].

Взимание процентов было достижением цивилизации шумеров. Шумерская религия ни просто не запрещала, а наоборот поощряла ростовщичество: кредиты, предоставляемые храмами (храмовое ростовщичество), достигло наибольших масштабов. Таким государствам как Древний Египет, Хеттское государство процентные отношения не были известны.

Лишь мусульмане продолжали жить в противоречии: понимании того, что процент запрещен, но не иметь возможности полностью от него отказаться. Во второй половине XX века такая возможность представилась. В Иране, Судане и Пакистане были предприняты попытки исламизации экономики, но разным причинам каждый из проектов потерпел неудачу. Среди них можно назвать не только политику власти, но и само отношение мусульман. В настоящее время рьяными противниками исламских банков являются не транснациональные банки, такие как Ситибэнка или АБН Амро, а местные банки, которые разглядели в них опасных конкурентов, но и рядовые мусульмане повели себя двусмысленно. Изначально они поддерживали исламизацию экономики, но оказались не готовы нести обязанности наравне со своими правами. Например, граждане Пакистана получили пусть и не сразу реализованное, но гарантированное Конституцией право на пользование услугами неростовщических банков. Вместе с этим правом они приобрели обязанность по выплате зяката. Это понравилось далеко не всем. Немаловажным является то, что Саудовская Аравия, будучи спонсором и инициатором создания исламских банков многих стран, сама не спешит с исламизацией своего финансового сектора [4].

Не стоит забывать, что хоть исламизация экономик в некоторых государствах и не удалась, финансовые структуры остались, и любой желающий мусульманин может воспользоваться их услугами. Западные банки очень быстро осознали наличие спроса на данный вид

услуг, и вышли на рынок с соответствующими шариату финансовыми продуктами.

Исламскими учеными часто обсуждался вопрос соответствия таких банков требованиям шариата: общеизвестный факт, что основная цель, которую преследуют подобные финансовые структуры, является получение прибыли, которая идет в карман к людям, далеким от религии ислама.

Какими бы не были намерения собственников традиционных неисламских банков, факт остается фактом — финансовые услуги, которые они предоставляют на высшем уровне — это альтернатива для мусульман.

Без понимания проблемы ростовщичества нельзя представить полную картину об Исламе. Она имеет не сколько богословные, экономические или правовые, сколько этические аспекты. Часто случается так, что в современном мире, при современных экономических отношениях у мусульман не всегда получается вести себя в соответствии с требованиями шариата.

За ростовщичество высказывался Мухаммад Абду, арабомусульманский мыслитель, представитель реформаторского движения в исламе: «Ситуация, при которой одно лицо дает другому лицу деньги займы и при этом получает фиксированный процент, не относится к запрещенным шариатом формам рибы. Это можно объяснить тем, что нарушение выраженных учеными положений о запрете фиксирования нормы дохода в данном случае не составляет тот вид очередной рибы, способной причинить непоправимый ущерб. При первом виде сделки доход получают и инвестор, и работник, в то время как запрещенное ростовщичество наносит ущерб только одной стороне в виду того, что она испытывает потребность, и обогащает другую сторону благодаря ее жадности и жестокости. Следовательно, непонятно, зачем оба эти вида сделок должны быть урегулированы одинаковыми нормами» [2].

Аргументом против является Постановление № 10 (10/2) Совета исламской академии правоповедения (фикха) «О банковских процентных операциях и ведении операций исламскими банками»: «Любое увеличение размера кредита или введение ссудного процента по нему в обмен на продление срока выплаты, когда должник не может рассчитаться по кредиту в срок, также увеличение суммы, которая подлежит возврату, или о введении процента на момент заключения договора считать разновидностями рибы, запрещенные шариатом. В качестве альтернативы предоставить операции, которые обеспечивали бы денежный оборот в соответствии с требованиями шариата. Призывать

исламские государства поощрять политику банков, основывающих свою деятельность на основе законов шариата, воздать условия зарождения подобных банков» [5, с. 19].

Свобода выбора экономического поведения, которое соответствует религии человека, подтверждает, что жизнь без рибана, о которой идет речь в Коране — это право. Важно, чтобы оно было у каждого мусульманина, не зависимо от его местонахождения. Именно за это надо бороться, конечно, экономическими методами.

Список литературы:

1. Газета «Наш мир» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://nm2000.kz/news/2011-05-23-40737> (дата обращения 27.05.2014).
2. Газета «Наш мир» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://politiko.ua/blogpost79737> (дата обращения 27.05.2014).
3. Коран [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://koran.islamnews.ru/kuliev/2/275.html> (дата обращения 27.05.2014).
4. Портал «Экономистъ» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://economuch.com/zarubejnyih-stran-hozyaystvo/mejdunarodnyiy-islamskiy-bank-15034.html> (дата обращения 27.05.2014).
5. Постановления и рекомендации Совета исламской академии правопедения (фикха) — фетвы. Издательство: Ладомир: 2003 — 19 с.
6. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/88832/ (дата обращения 16.05.2014).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Сборник статей по материалам
XXXVII международной научно-практической конференции

№ 5 (37)
Май 2014 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 03.05.14. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,5. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3